

Босиком по пеплу. Книга 1

Автор:

[Алекс Д](#)

Босиком по пеплу. Книга 1

Алекс Д

Лана Мейер

Восточные (не)сказки #6

Аннотация: Дочь арабского шейха не имеет права на ошибку, но я ее совершила – влюбилась в лучшего друга и отдала ему свою невинность. Я верила – нам с Нейтоном суждено быть вместе, наивно полагая, что отец позволит мне самостоятельно выбрать будущего мужа.

«– Ты выйдешь замуж после окончания университета, Алисия. За Амирана аль-Мактума – наследника Анмара.»

Амиран:

– Клятвы верности, первая брачная ночь, твоя невинность и наши будущие дети – все это уже принадлежит мне, Алиса.

– Нет, я не хочу.

Тогда я еще не знала, что для Амирана аль-Мактума не существует иной воли, кроме его собственной. Ответив «нет» я подписала смертный приговор себе, своей семье и Нейтану.

Алекс Д, Лана Мейер

Босиком по пеплу. Книга 1

Пролог

Ты открыл неизвестные дали,
Пусть и выжег сначала дотла.
Помни, что в сложной? минуте.
За тебя бы я мир отдала.

(Irina Sherry)

Алисия

Он убьет нас.

Сердце заходится, каждый удар разливается густой болью по телу.

Из легких украден воздух.

Я впадаю в полнейшую оторопь, пока перед внутренним взором бесконечно крутятся ужасающие кадры произошедшего.

Снова и снова, я вижу, как на Нейта нападают несколько вооруженных солдат. Припечатав его к песку, выбивают душу точечным ударом приклада автомата по ребрам. Ему плевать на боль. Он кричит мое имя. Снова и снова, диким взглядом наблюдая, как меня уводят.

Нас разлучили, затолкав в разные внедорожники. И судя по тому, насколько резко тормозит джип, я не скоро окажусь вдали от жуткого места техногенной аварии, объятая пламенем.

Этот некогда прекрасный клочок земли много лет ассоциировался у меня с самыми нежными чувствами и счастливыми моментами. Сейчас уничтоженное взрывом уникальное озеро с живописными берегами напоминает пылающие врата в сердце ада.

И я стою сейчас на его пороге.

Шейх Амиран Аль-Мактум непременно заставит меня станцевать для него на раскаленных углях, прежде чем убьет.

Дверь авто с моей стороны резко открывается.

Прежде чем я посылаю вышколенных псов Амирана к черту, солдаты грубо хватают меня за плечи, вытаскивая из машины.

Мои руки и лодыжки сцеплены наручниками. Завтра на их месте будут кровавые натертости, если я вообще дотяну до утра.

Перед глазами все расплывается, меня недолго волокут по затянутой сизой пылью и запахом гари, пустыне. Духота и вкус пепла на губах, во рту, повсюду. Как черный снег он осыпается на мои разметавшиеся по плечам волосы, кружит в воздухе.

Жутко, страшно.

Он убьет нас.

Мы сгорим здесь...

Обида и отчаяние сковывает грудь, когда дверь одного из зданий военной базы открывается, и меня бесцеремонно швыряют в бездну неизвестности.

С глухим стоном я падаю на бок, ударяюсь о твердый пол, слабо ощущая, как один из людей наследника снимает стальные оковы и быстро ретируется. Я не испытываю и капли благодарности. Лишь боль, заставляющую меня зажмуриться и застонать в голос.

Одолев страх, я открываю глаза и вижу перед собой высокую фигуру.

Его тень падает на меня, обволакивая тьмой и подавляя.

Я чувствую себя песчинкой под ногами принца: уязвимой, обезоруженной, крохотной.

Но я не собираюсь доставлять ему лишнее удовольствие и валяться у ног Амирана, поэтому быстро встаю, преодолевая боль.

Наши взгляды встречаются, мгновенно накаляя атомы воздуха, циркулирующие между нами.

Вся поверхность моей кожи пылает, словно я горю там...в огненном кратере некогда райского озера.

- Ты заставила меня ждать, - металлическим голосом отчитывает Амиран.

Я смотрю в глаза цвета серебристого пепла, покрытые арктическим слоем льда. Они и раньше бывали холодными, но сейчас в них скрывается непроглядный омут, в котором мне предстоит утонуть и захлебнуться. Если он так решит, то кровью Нейтана.

Не в силах пошевелиться, я цепенею, вглядываясь в знакомые черты, которые позавчера утром рассматривала чертовски близко.

Запредельно близко.

Единственным источником света в полупустом здании является окно, за стеклом которого я вижу неистовство огня и густые клубы черного дыма.

Тени, превращаясь в языки пламени на его лице, сковывают жесткие черты отталкивающей безжалостной маской. Скулы эмира заострены настолько, что я могла бы порезаться, если бы прикоснулась.

Как тем утром...

Отбросив наваждение, расслабляю голосовые связки.

Я не сдамся без боя, ему не сломать меня.

– Чего ты добиваешься? Зачем тебе женщина, которая любит другого? – сжимая кулаки, я делаю шаг на встречу эмиру. Все мое тело сотрясает мелкая дрожь, что не остается без его внимания.

– Ты задолжала мне третье свидание, Алиса, – неумолимым голосом отзывается Амиран, окончательно отнимая у меня все надежды на его милосердие.

Он приближается, сокращает расстояние до пары шагов. Запредельно близко для меня. Я чувствую до боли знакомый аромат его парфюма и тела, и жалящие ледяным ветром волны ярости, исходящие от мужчины.

Непроизвольно пячусь, прижимаясь спиной к двери.

– Наш договор – фикция. Ты не собирался меня отпускать. Твое слово ничего не стоит, – Амиран делает шаг вперед, ворую у меня остатки личного пространства, и теперь я отчетливо понимаю, что предвещает его беспощадный взгляд.

В стальных глазах наследника нет и капли тепла, нежности, восхищения...вожделения и одержимости мной. Все это я видела там ещё день назад и не верила в реальность случившегося между нами.

– Ты первая нарушила условия. Не стоило этого делать, – вкрадчивым тоном, полным откровенной угрозы, напоминает Амиран.

– Ты не оставил мне выбора.

Причем с самого начала, с первой секунды нашей встречи.

– Я дал тебе время принять мой выбор, tatlim. Слово короля Анмара – закон, разве ты не знала об этом? – усмехается, окончательно пригвоздив к двери снисходительным взглядом.

– Ты еще не король, – подчеркиваю с особым удовольствием, поражаясь собственной смелости. – И ты не имеешь права распоряжаться чужими судьбами.

– Снова ошибаешься, Алиса. Я имею такое право и пользуюсь им так, как считаю нужным.

Подходит ближе, возвышаясь надо мной так, что приходится задрать подбородок.

– Тогда ты не можешь вызвать ничего кроме отвращения и жалости! – эмоции взрываются, вспыхивают внутри, дав мне силы на уничтожающий взор.

– Очень смелое заявление в твоем положении, – он снисходительно улыбается, словно я сказала что-то забавное.

– Мне нечего терять. Ты все у меня отнял... – мой голос срывается, слишком сложно держаться.

Моя жизнь должна была сложиться совсем иначе... почему, почему я не сбежала с Нейтом, когда он предложил это в первый раз?

Как я могла понадеяться, что с Амираном аль-Мактумом можно договориться цивилизованно, довериться его слову?

Как я могла так подвести нас с Нейтаном?

Если с ним что-нибудь случится, если он умрет сейчас, я никогда себе этого не прощу.

– Поверь, далеко не все, Алиса. Напротив, я никогда ни с кем не был так добр, как с тобой.

– Что ты с ним сделаешь? – ответный взгляд Амирана вновь вонзает под мою кожу тысячи ледяных игл.

Амиран мучительно долго молчит, отводя взор в сторону окна – на пылающее озеро, оказавшееся и не озером вовсе.

– Ночи в пустыне очень холодные, Алиса. Каттан не дал тебе замерзнуть? – его голос звучит пугающе спокойно, но я устала бояться и дрожать.

– Что ты с ним сделаешь, Амиран? – требую четкого ответа, судорожно пытаюсь понять, как изменить приговор Амирана. Он его не озвучил, но я все вижу в потемневших глазах.

– Это зависит только от тебя, tatlim, – бессердечная, едва заметная ухмылка растягивает его губы, когда он снова обращает свой взгляд на меня.

– Что ты хочешь?

Я готова пойти на все за жизнь Нейтана.

– Третье свидание, – коротко бросает шейх.

– Здесь?

– Тебе не нравится это место? Разве не здесь началась твоя великая любовь с Каттаном?

– Ты все знаешь..., – тело начинает бить и сводить болезненными судорогами от передозировки выброса адреналина.

Он с самого начала все знал. Я поняла это слишком поздно.

Амиран всегда на два шага впереди, как и свойственно зверю и хищнику.

– Да, а вот он наверняка знает не все. Ты не рассказала ему, Алиса? – лениво интересуется Амиран, освежая мою память.

Я помню каждую секунду, не могу забыть. Отвращение к себе, боль, ощущение использованности – все это липким осадком осело на коже. Но не только эти чувства одолевали меня, когда я впервые узнала, каково это не принадлежать себе. Я помню все: вкус его одержимых губ и каждое слово, взрывающее мой мир.

Ритм его бедер, кожу под своими ногтями. Тяжесть сильного тела на себе, и внушительную твердость его намерений. Как бесстыдно принимала его, находясь на грани сна и реальности.

– Расскажу. Я все расскажу, – влажная соль обжигает ресницы. – Не думай, что знаешь нас. Ты понятия не имеешь, что мы друг для друга значим. Он меня любит, Амиран. Сильнее, чем кто-либо в этом мире, – пылко заявляю я. словно нарезками кадров из клипа наши с Нейтом воспоминания вспыхивают в памяти, вымещая окрашенные алым мысли о том проклятом утре... с другим, с тем, кого я не выбирала. И никогда бы не выбрала.

– Значит, он простит и третье свидание, tatlim. Если хорошо постараться, никто не пострадает. Ни он, ни ваши семьи. А теперь подойди ко мне, и опустишься на колени, – отдает неоспоримое повеление.

Это не сделка, а бескомпромиссный приказ.

Даже если откажу, он добьется желаемого силой.

– Я тебя возненавижу, – каждым словом проклиная его я.

– Это больше не имеет для меня никакого значения, Алиса.

Глава 1

Анмар, Асад

Четыре года назад.

Нейтан

– Ну, где ты, Ли? – нетерпеливо бормочу я, вглядываясь в темноту за высоким забором резиденции Саадатов. Опустив стекло, вдыхаю душный ночной воздух

Асада, призывая все свое терпение.

Она придет. Мы обо всем договорились. Осечки быть не может.

Но, Шайтан, как же медленно тянется время.

Я намеренно припарковался в тени деревьев на другой стороне дороги, чтобы не привлекать внимание.

Действовать осторожно и незаметно меня научил отец, возглавляющий разведывательные службы Анмара. Джамаль Каттан – большая шишка и пример для подражания. Я планирую в будущем стать не хуже и добиться еще большего, но сейчас мне семнадцать, и все мои мысли заняты одной голубоглазой девчонкой, в которую я без памяти, до одури влюблен, а она считает меня всего лишь другом детства.

Черные в сумраке шапки пальм лениво раскачиваются под дуновением теплого ветра, в виднеющихся из-за мраморного забора окнах дворца давно погас свет.

Она опаздывает. На целых пятнадцать минут. Не знаю много это или мало, чтобы начать волноваться? Учитывая, что я торчу тут уже полчаса, и потряхивать меня стало, чуть ли не сразу, то вопрос можно снять за ненужностью.

Бегло взглянув на браслет часов, добавляю еще пару минут. В нервном ожидании барабаню пальцами по рулю хаммера, без спроса позаимствованному из гаража отца. Надеюсь, он не заметит, учитывая, что у него их несколько. Одним больше, одним меньше, кто, вообще, считает эти железяки?

А у меня исключительная ситуация, а точнее личная секретная освободительная операция по спасению дочки шейха из-под его грозного ока. Это охренный риск, если мы оба попадемся, нам не просто влетит, а разразится настоящий скандал. Мало не покажется никому. Но, Аллах свидетель, повод у нашей авантюры – самый стоящий из всех возможных.

У Алисы сегодня день рождения, и может быть, это наш последний шанс увидится до ее отъезда в Америку. Если бы я был старше на год, мы могли

поехать туда вместе. А теперь впереди двенадцать месяцев разлуки и неизвестно, как они нас изменят. Вдруг она влюбится в кого-то другого или шейх выдаст ее замуж до окончания университета? И что тогда?

– Нейт, открывай, ты спишь тут, что ли? – постучав в окно с пассажирской стороны, спрашивает запыхавшаяся Алиса Саадат. Откуда она? Как я пропустил?

Потеряв дар речи и улыбаясь, как влюбленный идиот от уха до уха, снимаю блокировку двери, и тут же в салон автомобиля врывается аромат ее духов со свежими цитрусовыми нотками.

– Ты угнал джип отца? – бросает, запрыгнув на соседнее сиденье. – Совсем идиот? А, если он заметит? Машина наверняка жучками напичкана. Найдут в раз. Забыл, кем твой предок работает? – тараторит покрасневшая девушка, а я смотрю на нее, как замороженный.

У Алисы невероятно красивое лицо, хрупкое, совершенное и такое живое, с задорным вызывающим блеском в голубых глазах и капризными полными губами, созданными для воплощения сексуальных фантазий.

Я таких девчонок, как Алисия Саадат, никогда не видел. И хотя я знаю ее с детства, эффект залипания в первые минуты каждой нашей встречи – никуда не исчез. Она меняется, взрослеет, и расцветает все ярче и ярче. Это невозможно не замечать, нельзя привыкнуть.

Может быть, однажды я ослепну...

– Хамдан Нейтан Каттан, я подозреваю, что ты не только тачку угнал, еще и напиток успел? – махнув перед моим лицом ладонью, она смеется над моим зависшим состоянием.

Сдернув со своей головы шелковый темный платок, она бросает его на заднее сиденье. Ее пепельно-белые волосы рассыпаются по плечам, спрятанным под черной абайей. Наплевав на все последствия, я зарываюсь в них рукой и, стремительно приблизившись, порывисто накрываю приоткрытые губы своими, горячими и жадными. В первые секунды она задерживает дыхание и замирает от неожиданности, а потом я уже не даю ей опомниться.

Воспользовавшись временным замешательством Ли, проталкиваю язык в ее сладкий рот, и дождавшись робкого ответа, целую глубоко и неистово.

Она не упирается, не делает ни одной попытки к сопротивлению и от этого молчаливого согласия у меня окончательно сносит крышу. Обхватив пальцами белокурый затылок, я прижимаю ее к сиденью, с хриплым стоном атакую нежные губы.

Мы целуемся бесконечно долго, до потери дыхания и темноты за сомкнутыми веками. Сердце отчаянно барабанит в груди, по венам течет жидкий огонь. Она тихо стонет, податливо отвечая на каждое движение моего языка. Гремучее возбуждение превращает мое тело в один оголенный нерв и мне чертовски мало. Еще одно прикосновение и нас просто снесет в пропасть, но я не хочу думать о последствиях. Я до одури хочу Алисию с того момента, когда впервые узнал о физической стороне отношений с девушками.

Оторвавшись от влажных губ, чтобы глотнуть воздуха, прижимаюсь носом к виску Ли, считаю бешеные удары ее пульса. Она тяжело дышит, ресницы трепещут. С ума сойти, какая она невероятная. Это лучше, чем в любой из моих фантазий. Скользя пальцами по тонкой девичьей шее, спускаюсь ниже, накрывая ладонью вздымающую грудь под тканью абайи... И все заканчивается.

– Хамдан, ты совсем спятил? – упираясь ладонями в мою грудную клетку, задыхаясь возмущается Алисия. Дерьмо, если Ли называет меня моим первым именем, значит, она жутко зла. Вранье! Уверен, что ей понравилось.

Отстранившись, я откидываюсь на спинку своего сиденья. Кладу дрожащие руки на руль, сжимая до побелевших костяшек. Мне надо остыть. В таком состоянии я вряд ли смогу доставить нас в пункт назначения.

– Что на тебя нашло? – требовательный горящий взгляд впивается в мое лицо.

– Это был мой вариант: с днем рождения, Алия, – говорю первое, что приходит в голову.

– Алиса или Алисия, – поправляет девушка. И, правда, я ее раздраконил не на шутку. – Мне не нравится Алия.

– А Ли? – повернув голову, я с улыбкой смотрю на нее, грудную клетку заливают волна нежности. Алиса так очаровательно возмущается, при этом краснея, словно девственница. Но она и есть девственница. И эта девственность принадлежит ее будущему мужу.

Не мне, черт побери, не мне.

– Ли – можно, – снисходительно кивает моя невинная принцесса. – Ты же знаешь, как я не люблю все эти арабские имена, – поясняет она, приглаживая растрепавшиеся волосы.

– Но ты и есть арабка, Ли. Твой отец шейх целой провинции, – напоминаю я, включая зажигание.

– Мы поедем или так и будем торчать здесь, пока твой и мой отцы не натравили на нас специальный отряд?

– Успокойся, Ли. Через сорок минут будем на месте, – пытаюсь усмирить разгневанную девчонку. – Пристегнись, пожалуйста, – прошу я, и хаммер резво трогается с места.

– Я не арабка, Нейт, – после непродолжительной паузы, упрямо поджав губы, бросает Алиса. – До двенадцати лет я была американкой, жила в Нью-Йорке, и с тех пор для меня ничего не изменилось.

– Ага, кроме того, что последние пять лет ты живешь в Анмаре, во дворце шейха, под его неусыпным контролем, ходишь в школу для девочек и носишь абайю. Совсем ничего, Ли. Абсолютно.

– Это временные трудности. Уже через десять дней я буду жить в общежитии Колумбийского университета, а все свои абайи могу подарить твоей сестренке или будущей жене, – язвительно парирует Алиса. – Тебе уже нашли невесту?

– Я сам себе выберу невесту, Ли. И точно будут способен сам купить ей одежду и все, что она пожелает, – невозмутимо заверяю я.

– Везучая сучка, – дерзко смеется девушка, изображая пальцами кавычки.

– Почему мы соримся, Ли? – бросив на нее беглый взгляд, прямо спрашиваю я. Алисия демонстративно отворачивается, скрещивая руки на груди.

– Потому что ты заснул язык мне в рот, – чуть тише выдает она.

– Брось, Ли. Мы целовались раньше, – непринужденно отзываюсь я, пытаюсь разрядить обстановку.

– В двенадцать лет, – напоминает девушка. – Это не считается, мы были детьми, и язык ты держал при себе.

– Тогда я просто не знал, что с ним делать. А теперь знаю. Вот и решил поделиться опытом. По-дружески, – я смеюсь, а она краснеет, гневно шипит, пихая меня локтем в плечо.

– И кто же тебя научил? – прищуриль мятежные прозрачно-голубые глаза, с подозрением любопытствует Алисия. Ревнует? Это же хороший знак, да?

– Да много кто. В городе полно мест, где могут научить, чему угодно, – необдуманно отзываюсь я. Думать разумно в присутствии Алисии, вообще, весьма сложно. Ответом мне служит мрачное, тяжелое и взрывоопасное молчание.

– Лучше, расскажи, как ты выпорхнула из своей клетки, – снова заговариваю спустя минуту тягостной тишины. – Я ждал тебя ровно там, где мы договорились.

– С западной стороны забора было слишком много охранников. Не поверишь, но мне удалось пробраться через центральные ворота. Пристроилась к маминим подругам. Они как раз уходили домой. Одной больше, одной меньше, кто вообще считает этих закутанных с ног до головы женщин? Кстати, ты так и не сказал, куда мы едем.

– Это сюрприз к твоему дню рождения, – загадочно улыбаюсь я.

?

Путь до секретного места занимает чуть дольше обещанного времени, потому что большая часть пути проходит по бездорожью. Хаммер смело рвется вперед, огибая высокие дюны, оставляя за собой клубы песчаного тумана. Все дальше и дальше, следуя за точкой в навигаторе, вихляя между барханов, в самую сердцевину пустыни Махрус, туда, где много лет не ступала ни одна нога бедуина.

– Приехали, – сообщаю я, притормозив возле трех одиноких пальм. Глушу двигатель и показываю недоумевающей Алисии на поблёскивающее в темноте озеро. – Нам туда.

– С ума сойти, Нейтан! – затаив дыхание, восклицает Ли, выскакивая из внедорожника. – Какая красота. Невероятно! Это же озеро? Озеро в пустыне! – бросив на меня восторженный взгляд, она снимает с ног плетеные сандалии, и, сунув их мне в руки, босиком несется к причудливой формы водоему.

– Алиса, не вздумай лезть в воду, – кричу вслед резвой девчонке, доставая из багажника объёмный рюкзак.

– Догоняй, Нейт, иначе меня сожрут пираньи, пока ты возишься, – не оборачиваясь счастливо смеется строптивая дочь шейха, сверкая пятками и запинаясь о подол абайи.

Аллах, как она похожа сейчас на себя в маленькую. Сколько раз мы носились с ней по берегу океана, когда наши семьи выезжали в ставший традиционным дружеский отпуск на островах? Каждый год, но в этом – шейха задержали политические вопросы, и мы полетели без них. В итоге я считал дни до возвращения домой и писал Ли сообщения в три раза чаще, чем обычно.

Добравшись до кромки озера, Алисия останавливается, стаскивает с себя абайю и, швыряя надоевшее одеяние за спину, попадает прямо в меня.

– Аккуратнее, Ли, а то я могу подумать, что ты уже начала собирать приданое для моей будущей невесты, – подшучиваю я над девушкой, замороженно смотрящей на зеркальную гладь озера, в которой отражаются бесчисленные звезды.

Мне не интересны звезды, золотой серп луны и бесконечное черное небо над нашими головами.

Я смотрю на хрупкую Алисию Саадат, грезящую о свободе, и не понимаю, что она в ней нашла.

Бросив рюкзак на песок, я встаю рядом с ней. Плечом к плечу. Как раньше. Но теперь я гораздо выше, а она по-прежнему старше меня на год, и мы оба уже не дети.

- Это прекрасное место, Нейт. Спасибо тебе, - растроганно шепчет девушка, находя в темноте мою ладонь. - Это похоже...

- Я знаю, - понимаю без слов. Я могу припомнить каждый закат и рассвет, что мы встретили, стоя вот так же, глядя на океан, слизывая соль с пересохших губ, и держась за руки.

- Не океан, конечно, но концентрация соли в нем выше, чем в Мёртвом море. Вода ледяная, плавать нельзя, - голос звучит непривычно низко. Я поглаживаю большим пальцем ее запястье, улавливая нервный ритм ее пульса.

- Как ты его нашел?

- Мы наткнулись на него во время учений год назад. Я запомнил.

Днем тут очень красиво. Белый от соли песок и вода прозрачного аквамаринового оттенка, как твои глаза..., - взволнованно сглотнув, сжимаю ее ладонь крепче. - А, если смотреть сверху, то озеро по форме напоминает два пересекающихся кольца, - тихо добавляю я.

В моих словах гораздо больше смысла, это почти обещание, клятва, давать которую я не имею никакого права. И поэтому мы молчим, соприкасаясь взглядами, пронизанные чем-то необъятным, сокровенным, необъяснимым.

Особенный момент, уникальное место.

– Как оно называется? – повернув голову, Алисия немного смущенно смотрит мне в глаза. Теплый ветер остывающей пустыни ласково заигрывает с ее серебристыми локонами.

– Его открыли несколько лет назад. Король назвал озеро в честь своего первого сына и наследника, – с тяжелым сердцем произношу я.

– И как? – она недоумевающе хлопает длинными ресницами.

– Позор, женщина, ты не знаешь, как зовут твоего будущего короля?

– Понятия не имею, – легкомысленно заявляет бесстрашная Алисия. – Лучше спроси меня, как зовут всех президентов Америки с начала ее основания.

– Амиран. Озеро носит название Амиран, – отвечаю я, резко отворачиваясь и хмуро уставившись на темные воды.

– Красиво, – вздыхает Алисия и повторяет шепотом, ножом царапая мое сердце: – Амиран...

В течение следующих тридцати минут мы занимаемся обустройством площадки для нашего праздничного пикника. Я расставляю ночные светильники, собираю палатку, разжигаю костер, Ли расстилает покрывала и выкладывает из моего необъятного походного рюкзака сыр и фрукты.

– Это, что такое, Хамдан Натаниэль Каттан, – строго спрашивает Алисия, когда очередь доходит до бутылки.

– Вино, – посмеиваясь, невозмутимо пожимаю плечами.

– Разве твоя религия позволяет тебе употреблять алкоголь?

– Это и твоя религия, Ли, – сухо напоминаю я, честно стараясь не пялиться на ее обтянутые короткими шортами задницу, бесконечные ноги, изящные руки и высокую грудь под простой белой футболкой. Одеты мы, кстати, почти одинаково. Только у меня не шорты, а полноценные джинсы, а футболка тоже белая и того же лейбла.

– Навязанная насильно. Когда мы жили в Америке, отец обещал, что мы с сестрами сможем выбирать... – она не договаривает, добравшись до еще одной бутылки. На этот раз пустой, за исключением свернутых внутри записок, и памятной для нас обоих. – Это же... – мы встречаемся взглядами, снова понимая друг друга без слов. – Откуда?

– Я откопал ее в нашем месте, когда мы были на Бали этой зимой. Перечитывал наши детские послания в одиночестве, пока не выучил наизусть, – смущенно улыбаюсь я.

– Еще один сюрприз, Нейт? – игриво ухмыляется Алисия. – Ты меня завалил подарками. Сначала устроил побег, потом поделился опытом, теперь вот показал уникальное озеро, собираешься напоить вином, развлекая чтением наших глупых каракулей. Признаюсь, не ожидала, что ты такой романтик. А мой портрет сохранился?

– Конечно, – киваю с шутливым возмущением, ловко откупоривая полную бутылку и разливая содержимое в одноразовые кружки.

– И ракушки?

– Можешь сама проверить.

Сверкнув белоснежными улыбками, Алисия с нетерпением вытаскивает трухлявую пробку из полежавшей десятилетие в песках Бали детской сокровищницы.

– О господи, какая я была смешная, – разворачивая один из листков, она прижимает пальцы к губам. Голубые глаза искристо сверкают.

– Красивая, – возражаю я, протягивая ей кружку с вином. – Ты всегда была очень красивая.

– Да, ладно, тебе. Красивая... Скажешь тоже, – смущенно отмахивается Ли. – Слушай, а давай ты прочитаешь свои послания, а я свои? Будет, забавно. Я уверена.

Я соглашаюсь, потому что, если Алисия Саадат что-то задумала, то возражать ей абсолютно невозможно. Пригубив вина для храбрости, мы принимаемся за чтение страниц из нашего тайника и хохочем до колик в животе.

– Торжественно клянусь, что всегда буду твоим другом. Даже если ты отберешь все мои ракушки, и разрушишь песчаный замок, который я строил для тебя.

– Торжественно клянусь, что я всегда буду дружить с тобой, даже если Камила и Мэрайя будут дразнить меня за то, что я играю с мальчишкой.

– Клянусь, что больше не стану бросать песком в твою сестру, хотя она липучка и бесит меня.

– Клянусь, что больше никогда не обзову тебя мелким, хотя ты действительно ниже меня и младше на целый год.

– Клянусь, что никогда не буду дружить с другими девчонками, потому что все они уродины.

– Клянусь, всегда делиться с тобой своим кокосом, даже если ты свой уже выпил.

– Клянусь, что когда я стану большим и сильным, как папа, женюсь на тебе и буду защищать до конца наших жизней... – смех гаснет, когда я дочитываю свое последнее послание.

Глядя в глаза притихшей задумчивой Алисии, откладываю пожелтевшую страницу в сторону.

– Ты заметила? – серьезным тоном спрашиваю я.

– Что?

– Наши клятвы не равноценные.

– Мне и правда не жалко для тебя кокоса, Нейт, и ты больше не мелкий, – она смеется, переводя разговор в шутливое русло. Не разделив ее веселья, я,

молча, протягиваю ей вновь наполненную кружку.

– Чувствую подвох, – забирая свой импровизированный бокал, подозрительно щурится Алисия. – Такой весь серьезный, словно это ты на год постарел, а не я. Признавайся, Каттан, в чем цель всей этой спецоперации?

– Тебе сегодня исполняется восемнадцать, мы не виделись целую вечность, и я хотел сделать этот день, точнее ночь особенной, – искренне отвечаю я. Она лучисто улыбается, и, протянув руку, убирает прядь волос с моего лба.

– У тебя получилось, Нейт. Я тронута. Правда, – ее пальцы задерживаются на моей щеке и резко опускаются вниз. – За мой день рождения, – стучается свое кружкой о мою. – А за тебя. За самого лучшего моего друга.

Выпив вино, мы снова встречаемся взглядами. Ее – немного мутный, шальной. Мой – прямой и настойчивый.

– А, если я больше не хочу быть твоим другом, Ли?

– Почему? Я что-то не то сказала? – обескураженно хмурится девушка. Ее розовые губы манят, как магнитом. Вокруг ночь и звезды, песчаные барханы, шелест ветра, шепот пустыни и плеск воды, и никого, кроме нас.

– Я хочу целовать тебя... как в машине, – смело признаюсь я, подстёгиваемый горящим кровью алкоголем и сумасшедшим желанием, от которого напрочь отказывают тормоза и темнеет в глазах.

– Так целуй! Чего ждешь? – смеется Алисия, запрокинув голову, и я пропадаю в бездонном омуте ее широких зрачков.

«Я смогу остановиться», искушает внутренний голос, когда она тянет меня за футболку, доверчиво подставляя влажные от вина губы. И я целую их, целую до изнеможения, до полного сумасшествия и хриплых стонов.

Минута, две, вечность.

Время скачет прыжками, звезды гаснут, реальность исчезает, как и все причины, почему я должен остановиться. Остаётся лишь безумное желание, отчаянная болезненная потребность, страсть, сметающая все на своем пути. Алисия дрожит в моих руках, горит и плавится, наши губы в унисон шепчут: люблю... еще... хочу. Эти слова пылают между обжигающими поцелуями, разбивая вдребезги последние сомнения.

Нечем дышать, жажда и голод. Сердце остервенело бьет по ребрам. Я стаскиваю с нас одежду нетерпеливыми руками, упиваясь каждым мгновением, жадно и неистово лаская всю ее с головы до ног, хаотично, порывисто, неловко, одержимо. Так, как умею.

Я теряю голову и сердце, забирая то, что никогда мне не принадлежало, совершая самую чудовищную в своей жизни ошибку, которая впоследствии уничтожит нас обоих, испепелит дотла, превратив наше будущее в один бесконечный бег... бег босиком по пеплу.

Глава 2

Четыре года спустя спустя, Нью-Йорк

Алисия

– А это, правда, что ты еще девственница, мисс «голубые глазки»? – бросает мне в лицо Райан Скотт, прижимая свои ладони к закрытой двери холодильника, в котором я отчаянно пыталась найти хоть какую-нибудь жидкость, помимо водки, пива и сладкой газировки. Все из вышеперечисленного я не пью.

– Я много раз слышал, что вам нельзя трахаться до свадьбы, – я нахожусь в капкане его рук и плену дурного запаха и мерзких слов, льющихся из его поганого рта. – А что мне будет, если я прямо сейчас забью в твое кольцо несколько очков, принцесса? – пьяным и самоуверенным голосом, интересуется недалекий баскетболист.

Полностью сохраняя самообладание, отворачиваюсь в сторону.

Я задохнусь, если еще хоть раз вдохну запах его пота и марихуаны, смешенного с приторными духами девчонок, которые без устали наматывают круги вокруг хозяина дома и популярного спортсмена.

– Электрический стул, Скотт. Вот его демOVERсия, – достав из поясной сумки небольшой предмет, размером с зажигалку, резко прижимаю его к торсу наглого парня. Райан Скотт выше меня на две головы, а его плечи полностью загораживают мне обзор на происходящее в доме. Но даже этот здоровенный парень хаотично дергается, когда я нажимаю на красную кнопку электрошокера, мгновенно выдающего слабый, безвредный, но весьма неприятный разряд тока.

Поймав удачный момент, отталкиваю согнувшегося пополам Скотта, освобождаясь от лап придурка.

– Сначала научись забивать победные очки на решающих матчах, Райан, – тонко намекаю на субботнюю игру. Из-за промахов Скотта, команда колледжа потерпела поражение в двух последних матчах. – Думаю, алкоголь и наркотики – не самые лучшие друзья на пути в NBA, – добиваю я, пряча предмет самозащиты в сумочку.

– Слышал? Принцесса сделала тебя, Скотт, – гогочут его друзья.

– Серьезно, отвали от нее, Райан. Тебе жить надоело? – осуждающе замечает один из друзей все еще болезненно сконфуженного баскетболиста.

– Нашел к кому пристать, – крутит у виска другой, добивая Райана.

– Иди домой, Алисия. Не мучай себя, – Мэрайя обнимает меня со спины, слегка пугая. – Зря я тебя в это втянула. Я его проучу и приду поздно, – обещает лучшая подруга, наспех целуя меня в щеку. Через две секунды, это любительница отрываться и жгучая девушка, хранящая в себе горячие смеси латиноамериканских кровей, бежит утешать раненного мной Райана.

Знаю, Скотт не так уж и плох, просто нажрался и за языком не следит. Мэр любит повеселиться, и не против приключений на одну ночь, поэтому картинно прижимает голову к груди красавчика Скотта, и, встав на цыпочки, с томным

выражением лица шепчет ему в ухо. Не сомневаюсь, она выжмет из него компромат, которым будет потом шантажировать, требуя извинений, на которые мне наплевать.

Подмигнув ей, я перебираю в воздухе указательным и средним пальцем, без слов сообщая Мэр, что сматываюсь с этого праздника жизни.

Что ж, для восьмидесяти процентов молодых американок подобное поведение – норма, и я совершенно не осуждаю Мэрайю. Она считает, что молодость дана нам для того, чтобы пробовать и совершать ошибки, а я...знаю, что некоторые ошибки обходятся слишком дорого.

Жадно глотаю свежий прохладный, ночной воздух, приятно щекочущий ноздри после всех дурных запахов, окутавших частный дом Райна Скотта. До кампуса идти ровно семь минут, а ночь – это единственное время, когда по Нью-Йорку можно пройтись не спеша и привести мысли в порядок.

Я не частый гость на подобных сборищах, и причиной тому не только строжайший запрет отца, но и искреннее отсутствие желания напиваться до тошноты и дергаться под однотипную музыку.

Не вижу ничего увлекательного в том, чтобы потратить весь вечер на стаю обдолбанных сокурсников, которые без устали дымят друг другу в лицо, употребляют легкие наркотики, играют в игры на раздевание и впадают в алкогольную кому.

Атмосфера не из приятных: представьте себе набитый до отказа дом, который сотрясается от диких плясок, громкой музыки, и беспорядочного секса. На первом курсе я однажды побывала на похожем мероприятии, и мне хватило пяти минут.

Верные гончие отца помогли мне ретироваться уже на шестой минуте. Замаскировавшись под доставщиков пиццы, меня нашли на заднем дворе у бассейна и максимально незаметно уволокли в машину, где меня уже ждал открытый ноутбук и недовольный, разочарованный взгляд Джареда Саадата, взирающего на меня с экрана.

Наш разговор был недолгим, хотя я почувствовала все оттенки гнева и сдерживаемой ярости, исходящих от папы, даже находясь от него за тысячи километров.

Океан, разделяющий два континента, не способен умалить эффект от строгого отцовского взора.

– Алисия, мы же с тобой договаривались... – иногда, в глазах моего отца я видела расплавленное, искристое серебро. А иногда – несгибаемую сталь.

«У Джареда Саадата есть два режима. И когда по глазам видишь, что включен второй – лучше не спорить, дорогая», – когда-то шутливо предупредила меня мама и была права.

– Я все поняла и осознала, пап, – виновато улыбнувшись, ответила я тогда. – Мне в этом гадюшнике не понравилось. Видишь, мне нужно было просто один раз попробовать, чтобы понять – это не мой формат веселья».

До сегодняшнего дня мое мнение о студенческих вечеринках так и не изменилось. Но иногда в желании почудить, виноваты звезды или ретроградный меркурий, или, скорее, мой вспыльчивый характер и настроение, меняющееся в такт переменчивым ветрам с Гудзона.

Новость о том, что в Анмаре приняли очередной ряд законов, ограничивающие некоторые права женщин, всколыхнула мою душу, и все это вылилось в такой глупый и неосознанный акт протеста. Уверена, папа и пальцем не пошевелил для того, чтобы хоть как-то повлиять на кабинет министров и короля...или за кем там остается последнее слово? Меня просто раздражает, что Анмар, при всем своем современном внешнем великолепии, начинает постепенно уходить глубже в древние традиции.

Все тело резко передергивает, когда очередной порыв ветра приподнимает волоски на коже. Странно, что на этот раз «доставщики пиццы» не поймали меня с поличным. Впервые я увидела их в форме курьеров, ну а потом...это были садовники, подстригающие кусты в саду Колумбийского; уборщики, вытирающие пыль на подоконниках университета, и даже повара в общей столовой. Я всегда узнавала их по характерным чертам лица и кобуре, которую они иногда забывали хорошенько замаскировать. Пришлось дважды тайком делать им

замечание.

Вот и отлично. Моя маленькая шалость останется незамеченной для отца, если наблюдающие агенты безопасности будут добры ко мне и не донесут родителям. А учитывая тот факт, что они с мамой сейчас в Нью-Йорке, моему счастью нет предела. Они приехали сюда на важную конференцию и пафосное мероприятие, где будут присутствовать все сливки общества, влиятельные фигуры и любители поиграть в гольф.

Малолюдная улица объята мраком, но мне совершенно не страшно. Я специально не наступаю на линии между плитами на асфальте, изредка освещаемые проезжающими мимо машинами. Еще пару минут по прямой, потом направо и я у ворот студенческого городка.

Меньше всего на свете, я хотела, чтобы каждый в стенах Колумбийского знал, что я наследница одной из провинций целой страны. Да, маленькой, но очень богатой страны.

Никогда не горела желанием стать объектом повышенного внимания, предвзятого отношения, и разбирающих меня на молекулы, разговоров за спиной.

Скрыть правду мне не удалось, несмотря на то что я максимально просто одевалась, отдавая предпочтение универсальным джинсам или длинным платьям. Никаких кричащих брендов и украшений, как у моей мамы и большинства женщин, проживающих в Анмаре. Такой способ конспирации мне не помог, и уже к концу первого курса, когда я закончила семестр с отличием, по университету пошел шепоток о том, что мои оценки – заслуга моего влиятельного отца и его денег.

Это жутко раздражало. Ведь временами, я зубрила некоторые предметы, как проклятая, лелея мечту найти престижную работу, после окончания Колумбийского. Это мой единственный шанс, получить возможность остаться в США после выпуска, поэтому мотивации на учебу мне не занимать.

Несмотря на сплетни, слухи и такие вот хамские инциденты, как с Райаном Скоттом, я была благодарна за каждый день, проведенный на этой свободной земле.

У меня есть Мэрайя – мы учились в одной школе до двенадцати лет, сохранили дружбу по видео связи и договорились поступить в один университет.

Есть относительная свобода передвижений и выбора. Господи, о чем я? Я избавлена от ношения черного платка, который в Анмаре вечно электролизовал мне волосы.

Ну и вишенка на торте студенческой жизни – любимая работа и хобби: я веду блог на одном известном портале и пишу статьи для одноименного журнала.

Надеюсь, я делаю все это не зря. Ведь, если мне придется вернуться в Анмар после учебы, то основным моим развлечением станет поход в развлекательный центр, а работой – сохранение домашнего очага, рождение и воспитание детей.

Последняя мысль особенно пугает. Я имею право сама выбрать своего будущего мужа из предложенных или одобренных отцом вариантов. По крайней мере, такие выводы я сделала из разговора, который однажды состоялся у нас.

Сердце отбивает экспрессивный канкан, царапая ребра.

До определенного момента в жизни, я видела свое будущее только с Нейтом. Пока прочная нить, что связывала нас всю жизнь, резко не оборвалась.

Вкус первого поцелуя невозможно забыть, стереть из памяти.

Он пахнет кожаным салоном украденного Нейтом у отца хаммера, его парфюмом с нотами амбры и сандала, соленым озером посреди пустыни...и порохом, который оставался на одежде Нейтана после военных учений.

Каждое наше соприкосновение ощущалось как большой взрыв, из которого рождалась целая вселенная эмоций, закручивающаяся в миллиарды скоплений звезд.

Я не чувствовала кончиков пальцев рук и ног..., мы парили над землей. На ковче-самолете, без страховки и ограждений, как в одной популярной восточной сказке.

Воспоминания накрывают меня с такой силой, что я невольно замираю у зеркальной витрины, запнувшись о жестяную банку. Поворачиваюсь к отражению, вглядываясь в него и замечая, как краснеют щеки.

Прошло уже целых четыре года, а я до мельчайших подробностей помню каждое тайное свидание, словно оно было вчера.

Уголки губ непроизвольно приподнимаются, когда я припоминаю, сколько раз сбегала из отцовского дома, ощущая мощный выброс адреналина в кровь. Вибрации приятного волнения молниями простреливали каждую клеточку. Согревали вены, ускоряли ритм танцующего сердца. Я помню каждое секретное место, стены или воздух которого, хранят наши обещания, клятвы, долгие разговоры и стоны...

«Так целуй, чего ждешь?...» – произнесла в ту ночь, еще не зная, чем обернется мое позволение.

Я впервые увидела его обнаженным, точнее почувствовала каждой клеточкой. И просто голову потеряла от молодого мужчины, которого я годами называла «мелким».

Его тело было далеко от стандартов семнадцатилетнего подростка – убийственно сильное, крепкое, твердое. Мышцы будущего бойца, способного броситься на защищаемый объект и заслонить от пули. На ощупь они были не менее восхитительны, чем на вид. И на вкус...черт... Боже.

В дрожь бросает даже сейчас.

Хамдан Каттан был классным парнем. Нежным, но напористым. Заботливым и обжигающе-страстным. Самым понимающим меня, знающим меня, тонко чувствующим и читающим меня...

В ночь перед моим отъездом, Нейт умудрился проникнуть ко мне в дом. Прямо в мою комнату. Под носом у ничего не подозревавших отца и матери, и «лучшей» охраны. Он так и не раскрыл мне секрет того, как ему удалось провернуть такую аферу.

«– Пообещай мне, что будешь хорошей девочкой, Ли, – поддевает меня за подбородок, когда я вырисовываю несуществующие иероглифы на его рельефном прессе. – Если кто-нибудь прикоснется к тебе, – заглядывает мне в глаза. – Я убью его. Или как минимум, лишу способности размножаться.

– И поступишь глупо. Если тебя посадят в тюрьму, на военной карьере можно поставить жирный крест.

– Ответ неверный.

– Опять ревнуешь? У меня куда больше поводов ревновать. Тебе как мужчине позволено куда больше, чем мне. У вас столько искушений. И все они доступны, если знать, где искать.

– Ты моя единственная искусительница, Ли.

– Никто ко мне не прикоснется, Нейт. Не могу представить, что мне захочется всего, что ты со мной делаешь, с кем-то другим. Это невозможно...сейчас.

– И никогда.

– Никогда, – заверяю его я, уверенная в искренности своих слов. – Ты первый и последний, Нейт. Я так чувствую. Но только при одном условии...ты поговоришь с моим папой, как и обещал.

– Конечно, Ли. Мы все решим. Ты мне веришь?

– Я верю тебе, Нейт....

В тот момент, мне казалось, что, если Нейт возьмет меня за руку и поведет на край света, я безоговорочно пойду за ним, невзирая на все, что могут сказать наши семьи, религия и традиции Анмара. Долгожданный день отъезда в США, который долгое время был отмечен в моем настенном календарике словом «ура» и красным цветом, вдруг полностью окрасился в черный.

Взлетая над пустыней Махрус, я плакала так сильно, что даже забыла о своей аэрофобии. Справиться с разлукой, мне помогала лишь мысль о том, что Нейт

совсем скоро станет студентом первого курса.

Но мои наивные мечты о счастливом воссоединении не оправдались.

Ровно через год, когда Натаниель Каттан впервые переступил порог Колумбийского университета, я его не узнала. Он стал настолько отстранённым, чужим и равнодушным, что я потеряла сразу двух человек: любимого...и лучшего друга.

У меня было такое ощущение, что на очередных учениях из него выбили душу, и заменили её на другую.

Внезапный и раздражающий звук разбитой вдребезги бутылки, заставляет подпрыгнуть на месте и нервно оглянуться. Я слышу скрипучий вой шин, отдающиеся набатом в горле музыкальные басы, сотрясающие колонки тюнингованного автомобиля.

До заветного поворота к кампусу остается всего лишь двадцать шагов, и я инстинктивно ускоряю шаг, осознавая, что тачка с хохочущими, свистящими и пьяными в хлам парнями, стремительно приближается ко мне.

Черт. Без паники. Это просто пьяная компания, разъезжающая по городу. Ублюдки, считающие, что им все можно. Они просто проедут мимо, а к утру обязательно окажутся в полицейском участке...

Прячу нос в объемном вороте кашемирового свитера. Все происходит настолько быстро. Машина с треском влетает в фонарный столб за мгновение до того, как я подхожу к нему. На плитку падают искры, а мой желудок скручивает в ледяной узел.

Инстинктивно отскакиваю к ближайшему дому, и неудачно подвернув ногу, падаю на асфальт. Больно приземляюсь на колени, успевая выставить перед собой ладони. Содранную кожу начинает невероятно жечь, легкий металлический запах крови ударяет в ноздри.

– Привет, куколка. Куда это ты побежала? – слышу скрипучий голос, ощущая, как кровь леденеет в жилах.

Пьяных ублюдков трое. Все в синих спортивных костюмах и кепках, закрывающих лица: белой, красной и черной.

Мне нечего бояться. И минуты не пройдет, как «доставщики» придут ко мне на помощь и заставят этих ублюдков забыть свои собственные имена от страха.

– Отвалите, парни. Я не одна, предупреждаю, – огрызаюсь на невменяемое трио, нарушившее мою меланхоличную прогулку в гордом одиночестве.

– А не то что? Твой богатый папочка поставит меня на место? Да мне по*уй, принцесса, – заливается больным смехом Черный. Он явно не отдает себе отчет в своих словах и действиях.

Я резко срываюсь с места, рассчитывая на быструю капитуляцию, но двое из трех хватают меня за плечи и, приподнимая над землей, уносят в ближайший узкий проем между высокими домами.

– Сюда ее, к мусорным бакам, – морщусь, ощущая запах протухшей еды.

– За насилие любого вида вы получите срок, – напоминаю я, стараясь говорить ровным голосом. – Остановитесь, пока не поздно, – моя рука тянется к поясной сумке и заветному шокеру, но Белый срывает ее с меня и кидает в один из баков. Сукин сын, сам доставать же полезешь.

– А мы не будем тебя насиловать, принцесса. Мы же не самоубийцы, – нагло уверяет меня Черный. Больно надавливает на скулы, заставляя открыть рот. В его зажатых пальцах поблескивает белая таблетка.

– Мы просто хотим немного повеселиться сегодня ночью, Алисия, и взять принцессу с собой. Твое падение будет фантастическим, – ублюдок заталкивает таблетку мне в рот, и я быстро прячу ее под язык, делая вид, что проглотила.

– За идиота меня держишь? Глотай! Глотай, дура, – фыркает мне в лицо Черный.

Я поражена тому, что по-прежнему остаюсь относительно спокойной.

И еще больше удивлена, что мои дорогие курьеры еще не отстреляли малолетним бандитам пятки.

– Я бы с удовольствием посмотрел, как эта чистенькая принцесса проглотит не таблетку, а леденец, – опускает пошлую и отвратительную шутку Белый.

Я с ног до головы наполняюсь яростью. Кажется, во мне самой тока больше, чем в любом шокере.

– Пошел на хер, – выплевываю таблетку прямо в лицо подонка, четко попадая ему в глаз.

– Какой грязный язык у такой красивой девочки. Разве в твоей стране тебя не научили уважительно относиться к мужчинам? – зашипев от боли, рычит Черный.

– К мужчинам. А ты кто? – осаждаю его, возводя глаза к небу. – Отпусти меня по-хорошему, иначе себе всю жизнь испортишь. Меня охраняют...

– А я не боюсь, – поехавший смельчак отправляет новую таблетку в свой рот и накрывает своими скользкими губами мои. Я с дикой силой сжимаю зубы, отчаянно избегая попадания таблетки внутрь, и пытаюсь вырваться, дергаясь всем телом и отбиваясь напряженными кулаками.

Срабатывает только классический прием – мощный удар коленом в пах. Как только мне удастся вырваться, я вновь падаю на асфальт, мысленно проклиная свои новые босоножки.

– Так, принцесса, ты меня разозлила, – один из них, хватает меня за лодыжку, пока я отчаянно пытаюсь уползти к главной дороге. Истошно визжу, призывая на помощь, и в этот же миг, мой боевой клич утопает в глухих мужских столах и хрусте костей.

Закрываю глаза, с облегчением осознавая, что охрана припозднилась, но успела как раз вовремя.

Переворачиваюсь, прижимаясь спиной к сырой стене. Обхватив свои онемевшие колени руками, наблюдаю за тем, как один представитель моей безопасности

беспощадно справляется сразу с тремя нарушителями.

Хм, а второй где?

Меня трясет, когда я словно в замедленной съемке наблюдаю за тем, как без использования оружия, мужчина нокаутирует банду поверхностных недоносков.

Уже через минуту, Белый получает вывих плеча и конвульсивно корчится между мусорных баков, Красный – рыдает навзрыд и держится за фонтанирующий кровью нос, а Черный... тот, что пытался вылизать мне гланды, погибает на асфальте и стонет, держась за свой подбитый пах и выкрученные яйца.

Странно, это не похоже на стиль борьбы моих телохранителей.

Внезапно, сердце пропускает удар.

В очертаниях высокой фигуры моего единственного защитника я узнаю Хамдана.

– Боже, только не убивай их. Ты же не в Анмаре, – шепчу я, все еще находясь в шоке от того, что Нейтан вспомнил о моем существовании.

– Закончите с ними, – бросает Нейт, обращаясь к подоспевшим мужчинам, в которых я узнаю своих любимых «садовников и уборщиков».

Нейтан быстро и довольно болезненно дергает меня за запястье. Десять секунд ему требуется, чтобы бесцеремонно затолкать меня на пассажирское кресло черного внедорожника. Обходит заведенный джип, огибая его в такт моему разрывающемуся сердцу, и оказавшись внутри, резко дает по газам. Мы стартуем со скоростью гонщиков «Формулы 1».

– Пристегнулась. Быстро, – низким голосом отдает хлесткий приказ. – Губы вытри, – раскрывает бардачок и кидает пачку влажных салфеток.

Меня трясет, и я хочу возразить его грозному тону, но ощущая, как быстро мы набираем скорость на топливе его ярости и выезжаем на хайвэй, непроизвольно слушаюсь.

Я не могу отойти от шока.

Пальцы дрожат так, что не сразу удастся достать салфетку, несмотря на острое желание стереть слюни подонка.

На Хамдана даже смотреть боюсь. И не могу поверить, что снова еду с ним в машине, впервые за несколько лет, ощущая любимого так близко.

Я не знаю, сколько по времени мы едем и куда направляемся. Не задаю вопросов, пребывая в полнейшем ступоре. Усилием воли пытаюсь рассеять туман в голове и побороть острое желание рассмотреть Нейта, задать ему все мучащие меня вопросы и главное, поинтересоваться: какого черта, он оказался рядом?

Он следил за мной? Зачем? Зачем игнорировать меня четыре год, при этом постоянно ходить за мной по пятам, словно тень?

Наконец, Каттан тормозит на обочине за пределами центральных районов города. Так резко, что я подаюсь вперед и издаю тихое «ауч».

Глава 3

Алисия

– Ты в порядке? – поворачивается ко мне лицом и широким торсом.

Наши взгляды сталкиваются, мгновенно образуя во всем салоне машины мощное электромагнитное поле, неистово искрящееся между нами. Радио начинает шипеть помехами, а где-то вдалеке я слышу раскат грома, атакующего сейчас соседний штат Нью-Джерси.

Черт возьми, Каттан так изменился. Он выглядит чертовски взрослым, осознанным, смелым, сильным, волевым.

Я вижу, как напрягаются челюстные мышцы под его скулами, выдающие его плохо сдерживаемую ярость. В синих глазах – отражаются вспышки далеких молний. Черная футболка, сидит на тугих мышцах, как влитая, еще раз напоминая мне о том, что карьера и многочисленные учения, оказались ему важнее, чем я.

– Нет, Каттан! Я не в порядке, – вспыхиваю я, демонстративно скрещивая руки на груди. – Совсем не в порядке. Не понимаю, как такое могло произойти. Почему, меня не спасли сразу...

– Почему? А с себя начать не хочешь? Какого, скажи мне, черта, ты разгуливаешь по городу одна в два часа ночи? Более того – возвращаясь с вечеринки? – в каждой ноте его разъяренного голоса я узнаю отцовские интонации.

Но Хамдан мне не папочка.

И не мой парень.

И даже не мой друг.

Кто он такой, чтобы так говорить со мной?

– Я просто решила прогуляться после того, как проводила туда Мэрайю, – не сразу понимаю, что оправдываюсь, но это так. – До кампуса семь минут пешком! И вообще, я знаю, что нахожусь под круглосуточной защитой. Просто...

– Просто ты забыла телефон в доме своего пустоголового однокурсника, и тебя не сразу удалось отследить, Алисия, – отчитывает меня Нейтан, пренебрежительным жестом швыряя мой смартфон на колени. – Чем ты думала, когда пошла в этот гадюшник?

Какое право он имеет так со мной разговаривать, когда последние четыре года, шарахался от меня, словно от прокаженной?

– Исключительно своей головой, Каттан. Я в свободной стране нахожусь, и сама принимаю решения: куда мне идти и что делать. Я совершеннолетняя, а вот

ты? – с издевкой парирую я.

– Да что ты говоришь? Запрет шейха тебе не писан, Алисия? Захотелось отправиться в Анмар раньше времени, так и не получив диплом? – холодно чеканит Нейт.

– А тебе какое дело, Каттан? Что хочу то и делаю! Это моя жизнь, и тебя она не касается!

– Еще как касается, Ли, – рычит Нейт, сквозь сжатые зубы. На нежном обращении «Ли», я начинаю думать, что все происходящее – сон, и щипаю себя за запястье, отчаянно пытаюсь проснуться.

– Да? И почему мне пришлось едва ли не умереть, чтобы ты вспомнил о моем существовании? – утрирую и искренне негодую я, ощущая, как на сердце вспыхивают старые шрамы.

– Я тебя не забывал, черт подери, – произносит Нейт едва слышно, словно не должен был этого говорить. Его скованные черты лица искажает боль. Бьет по рулю сжатым кулаком, бросая взгляд вдаль, и вновь поворачивается ко мне.

– Никогда не забывал, Ли, – и Нейт вдруг делает это. Сводит меня с ума окончательно.

Притягивает меня к себе за свитер уверенным рывком.

Его широкая ладонь накрывает мой затылок, жадно сгребает в кулак волосы. Горячие, чувственные, до боли знакомые губы накрывают мои. Вкус первого поцелуя сладок, и горчит годами отчаяния, боли и моих слез, но обостряет все ощущения до предела, пробуждая во мне прежние эмоции.

Я таю в его руках мгновенно, растворяясь под натиском родных и желанных губ. Единственных губ, которые я кусала, сминала, любила, хотела, желала, по которым скучала...единственных, которым не смогла бы найти замену. И не искала.

Хамдан теперь целует иначе. Еще сильнее, нетерпеливее, наглее, словно у нас чертовски мало времени. Словно, все, что мы делаем – не просто находится под запретом, а является строжайшим табу, за которое нас обоих ждет смертная кара.

Задыхаюсь, ощущая бешеную пульсацию внизу живота, и кровь, циркулирующую в венах по маршруту американских горок.

Мать твою, Нейт. Нет. Хватит.

Отталкиваю его, упираясь ладонями в напряженные грудные мышцы. Не могу поверить, что он решил добить меня настолько жестоким образом.

– Ты спятил? Думаешь, можно четыре года игнорировать мое существование? Встречаться с американками, а потом внезапно на меня наброситься, как тогда? Да пошел ты, Нейт. Выпусти немедленно, – отворачиваясь, я неистово дергаю ручку машины и бью по стеклу, всем своим видом давая понять Нейтану, что оказаться в ночи на безлюдной трассе, мне будет приятнее, чем находиться на одном квадратном метре с ним.

Хамдан накрывает мою ладонь, прижатую к стеклу своей, одним движением прекращая мою попытку бежать. Когда я вижу, как переплетаются наши пальцы, мне хочется кричать от боли, но я проглатываю скопившуюся обиду.

– Ли, перестань, – срывающимся шепотом, произносит он, обдавая мятным дыханием мочку уха. – Ты никуда не уйдешь отсюда. Хватит. Не отпущу. Не сейчас. Не сегодня.

Ненавижу. Четыре года...ты молчал почти четыре года! Я думала, что сошла с ума, что придумала себе то лето.

– Я не понимаю, – медленно поворачиваюсь. Мои губы дрожат в трех сантиметрах от его губ. – Зачем ты так со мной? Ты дал обещание поговорить с моим отцом о свадьбе, ты просил верить тебе, а потом просто исчез, отдалился...ничего не объяснив...все уничтожив и забыв.

Нейт утыкается носом в мою шею, жадно вдыхая воздух над моей кожей.

– Все слишком сложно, моя Ли, – в трепетных нотах родного голоса я наконец узнаю человека, в которого когда-то безоглядно влюбилась, но легче от этого не становится.

В груди все пылает с такой силой, что я уже давно не помню о боли в разбитых и стертых коленках.

– Сложно? А, по-моему, все было просто. Проще некуда: на втором курсе, когда ты приехал, я плясала вокруг тебя, как болванчик. Вешалась на шею первую неделю, но ты был ходячей морозильной камерой. Напомнить, что ты заявил тогда? «Все произошедшее – ошибка, Алисия. Прости», – копируя интонацию его отстранённого голоса, восклицаю я. – «Мне нужно сосредоточиться на учебе и работе. Тебе тоже. У меня сейчас другие приоритеты». Разве не так было?

«Надеюсь, у тебя получится стать идеальным солдатом короля и страны, Нейт», – ошетибилась тогда в ответ я, и больше не вела себя при взгляде на него, как влюбленная дура. Я умею быть чертовски жестокой и гордой, когда обижена.

– Поэтому сейчас ты не можешь так говорить, так целовать меня. Ты потерял это право, когда отправил мое очередное признание и просьбу поговорить в папку «спам»!

– Алиса, все не так. Мы поторопились тогда...я поторопился. Если бы мы продолжили встречаться здесь, об этом бы узнали, и все бы закончилось плохо... – уклончиво начинает объяснять Хамдан.

– Так значит, ты признаешь, что ты просто трус? Если ты смело, как взрослый, поговорил с моим отцом, и он отказал, почему не объяснил мне это? Не рассказал? Зачем, нужно было становиться таким молчаливым и ледяным, чтобы я каждый день сгорала в аду, гадая, что сделала не так?! – пытливо спрашиваю я, глядя в глубоководные омуты его глаз. – Признай, Нейт. Ты не говорил с ним.

– Есть причины, по которым, я решил, что лучше и проще будет, если мы все забудем. И если ты сама ко мне охладеешь.

– И как? Забыл, да? – оскорбленно возмущаюсь я, показательно вытирая кулаком свои губы, пылающие от его горячности. – Решил вдруг освежить память,

затолкав свой язык в мой рот?

– Я безумно скучал по тебе. И не удержался, – тихо признается он, выпуская очередную пулю в мое сердце. – И сейчас, когда ты чуть было не оказалась в лапах этих подонков...

– Не смей приближаться ко мне, – Нейт наклоняется ближе, его сильная рука накрывает мою талию, алчно сжимая. – Не приму тебя назад.

– Прими меня, Ли, – пространства в машине достаточно, что он в лёгкую приподнимает меня, и опускает к себе на колени. А я поддаюсь, неосознанно, слепо. – Прими, – весьма двусмысленно звучит из его губ, особенно, когда я в каждом вдохе ощущаю его жажду во мне и красноречивую эрекцию, упирающуюся в мои ягодицы.

– Прими, – его вожделенный шепот звучит слишком сексуально, запредельно.

Я не хочу быть такой размазней, но не получается. Ко мне четыре года никто не притрагивался. Даже если бы попытался – я ничего не ощутила бы. Только в руках Хамдана, я таю, как та восемнадцатилетняя девчонка у озера. Позволяю ему куда больше, чем должна, сквозь туман сладострастия, ощущая, как его сильная рука поглаживает и сжимает мою грудь, забравшись под свитер. Еще чуть-чуть и он спустит белье, наберет пароль, задев мои самые чувствительные точки, и я не смогу сопротивляться его натиску и нашим чувствам, которые никуда, черт побери, не исчезли.

– Я хочу, сбежать с тобой, Ли. Только так мы сможем быть вместе. Я хочу украсть тебя. Всегда хотел, – прерывая очередной пылкий поцелуй, признается Нейтан.

– Слишком поздно, Нейт. Ты мог предложить это три года назад. И меня не нужно красть. Достаточно было поговорить с шейхом.

– Нет, не достаточно, – глухо и искренне рычит он. Я ничего не понимаю. Почему он не может выложить все, как есть, зачем говорить загадками?!

– Скажи, ты еще что-то чувствуешь ко мне?

- Да, - предательски вырывается у меня. - Нет. Нет. Не знаю.

- Давай сбежим, Ли. Это наша последняя возможность, - я не хочу ему верить. Не хочу. Глаза жжет, когда замечаю на его запястье подарок, который сделала ему своими руками. Из чертовых ракушек, которые нагло снимала с песчаного замка, который он строил для меня в детстве.

- Ты еще сомневаешься в том, что я о тебе не забывал? - отследив мой взгляд, шепчет Нейт. Кусает мочку моего уха, вновь нагло и вероломно забираясь мне под кожу. А я? А я и рада сдаться...так что ли?

Я любила его. Сначала я была жутко обижена, потом разгневана, затем - опустошена, разбита. Но ни эти разрушающие чувства, ни несколько лет, не стерли моего единственного мужчину и первую любовь из памяти.

- Я не могу сбежать. С ума сошел, что ли? Отец и мама слишком дороги мне, я не смогу так поступить. Мы должны пойти к ним вместе, все объяснить, все рассказать. Прямо сейчас. Если ты хочешь быть со мной, Нейт. Если все, что ты говоришь сейчас - правда. А не просто слова и издевка.

- Ты не понимаешь, Алиса, - стальным тоном отзывается Нейтан.

- Что я не понимаю?

- Побег - единственный шанс для «нас». Потому что...

Я перебиваю Нейта, едва ли не подавившись воздухом от возмущения:

- Шейх - не пещерный человек. Мы современная семья, забыл? Мама - американка, и папа выбрал ее. Он любит меня и хочет мне счастья. Отец не может считать тебя недостойным мужем, Нейт. Откуда у тебя этот страх? Бегство - не спасание. Даже если бы я согласилась, нас все равно бы нашли...

- А ты согласишься, Ли. Прошу тебя. Я знаю, как все организовать. У нас будут новые документы. Новая жизнь. Только ты и я, - я заглядываю в расширенные зрачки Хамдана. Если честно, сама не уверена в том, что он осознает, какое безумие сейчас предлагает.

– Это, правда, возможно?

– Если ты скажешь «да», Ли.

– Но как же твоя любимая карьера? Страна? Ты же жуткий патриот, я что, не знаю тебя, что ли?

– Сейчас, мне кажется, когда я близок к тому, чтобы потерять тебя навсегда... ничто из этого имеет смысла, – нервно сглотнув, я слезаю с его колен, резко отстраняясь.

– Что значит, потерять навсегда, Нейт?

– Что это еще может значить? – он меня за дуру держит, уходя от ответа. – Ли, меня отправили учиться сюда с целью защищать тебя. Такого ответа тебе достаточно? Моей основной задачей было охранять тебя издалека. И за выполнением задания пристально наблюдают, Алисия. Поэтому, да, я следил за тобой. Каждый чертов день. Каждую секунду, – я леденею, с ужасом вслушиваюсь в каждое его слово.

– И это тебя остановило? Ты побоялся потерять карьеру? И не смог мне рассказать об этом, по-человечески объяснить? Либо ты глупец, либо ты лжешь, – фыркаю я, ощущая кошмарную усталость и слабость в мышцах. – Я устала и хочу домой, Нейт. Отвези меня, пожалуйста. Мне нужно все обдумать, – прячу лицо в ладонях. – Сейчас я не готова простить тебя. Не так быстро. И не уверена, в своих чувствах, – добавляю я, желая «уколоть» Нейта. – Мы все равно увидимся послезавтра на конференции, не так ли. Ты же будешь обязан издалека наблюдать за мной, безоговорочно выполняя свое задание?

– Да. Я буду. Ли...мы еще не закончили, – Нейт явно хочет мне что-то сказать, но я прибавляю музыку до оглушительной громкости и отворачиваюсь к окну, всем своим видом показывая, что продолжать дискуссию не намерена.

До кампуса мы едем в полном молчании.

Я прячу произвольную счастливую улыбку в вороте свитера, ощущая, как приятно покалывает его губы от сладко-горьких поцелуев. Внезапно, знакомая

сладость мешается с явным металлическим вкусом крови, и мне становится...не по себе.

Глава 4

Нейтан

Четыре года назад

«- Ты первый и последний, Нейт. Я так чувствую. Но только при одном условии...ты поговоришь с моим папой, как и обещал.

- Конечно, Ли. Мы все решим. Ты мне веришь?

- Я верю тебе, Нейт....»

Бесшумно пробираясь домой глубокой ночью, я снова и снова прокручиваю в голове последние произнесённые обещания. Они так легко слетели с губ, так просто. Все просто, когда сердце горит от любви и страсти. Я чувствую себя всемогущим, когда Алисия Саадат смотрит на меня своими огромными аквамашиновыми глазами. Ее любовь опьяняет, заставляет верить, что нет ничего невозможного, непреодолимого.

Мы все решим, Ли. Мы справимся. Если понадобится, я мир переверну для тебя. Не отдам никому, не отпущу, не сдамся.

Первый и последний, Ли. Первый и последний.

Ты только верь мне, моя смелая девочка. Только помни, что я твой, а ты моя.

Один год, и мы снова будем вместе. Всего двенадцать месяцев. Это же ничто, когда впереди целая жизнь.

Ты только дождись меня, Ли.

– Не поздно вато для прогулок, Хамдан? – стальной властный голос отца резко переключает поток моих мыслей в реальную плоскость. Вздвогнув, я резко останавливаюсь, сердце сбивается с ритма, пропуская удары. Массивная высокая фигура Джамала Каттана перекрывает лестничный пролет. Я нервно сглатываю и, как всегда, тушуясь, когда отец появляется так стремительно, словно из-под земли. При его росте и комплекции это кажется сверхъестественной суперспособностью.

– Когда ты вернулся? – задаю я единственный, пришедший на ум вопрос.

– А я никуда и не уезжал, Хамдан, – сдержанный ответ лишает меня дара речи. Что это значит? Как не уезжал? Он же должен быть на военной базе. – Поговорим, у меня в кабинете, – распоряжается отец. И это не приглашение, не просьба. Неопровержимый приказ, обязательный к исполнению.

– Слушаюсь, сэр, – бросаю себе под нос. Как на плацу, черт.

Повернувшись ко мне спиной, генерал АРС размашистым шагом поднимается наверх, а мне не остается только следовать за ним. Вскользь замечаю, что он в форме, а это не предвещает ничего хорошего.

Кабинет отца состоит из двух помещений. Одно – доступно для всех домочадцев, второе – скрытое за секретной дверью, для частных переговоров и решения особых задач. В зависимости от того, куда зайдет отец, можно определить степень серьезности предстоящей беседы.

До последнего надеюсь на первый вариант, потому что второй означает, что я крупно попал, влип, вляпался, облажался. Как не назови, факт остается фактом. Мне пи*дец.

Отец проходит к стене и, приложив палец к панели, отступает назад, дожидаясь пока стена бесшумно сдвинется в сторону.

Все-таки пи*дец, обреченно понимаю я.

Внутри мы заходим одновременно, оказываясь в ярко освещенной квадратной коробке, напоминающей камеру-одиночку хакера. Помещение напичкано современной компьютерной техникой, в центре массивный широкий стол, за который и садится отец. Мне он жестом показывает на кресло напротив. Стена, тем временем, возвращается в исходное положение, уничтожая все пути для отхода.

Расположившись там, куда мне ткнули, я выжидающе смотрю на отца. Прочитать выражение его лица невозможно, как и предугадать, что он скажет или сделает в следующий момент. Это профессиональные издержки многолетней службы в АРС. Даже в штатском, даже за обеденным столом в кругу семьи – Джамаль Каттан остается генералом спецслужб. Мама говорит, что когда-то отец был другим. Но я помню его только таким, как сейчас.

От напряженной тишины звенит в ушах, по спине пробегает неприятный холодок страха. Отец молчит, сверля меня сквозь прозрачный жидкокристаллический экран непроницаемым взглядом.

– Пап, может, объяснишь, что происходит? – не выдерживаю я. – Ты же должен быть на задании.

– Так и есть, – подтверждает он, не меняя застывшей позы. – Пришлось прервать его выполнение на несколько часов, чтобы выяснить, как так вышло, что, находясь, на другом конце Анмара, я, оказывается на протяжении десяти ночей посещал, на одном из своих автомобилей, охраняемый спецслужбами засекреченный объект.

Несколько секунд я недоумеваю и смотрю на отца, пытаюсь вникнуть в смысл сказанных слов.

– Ничего не хочешь мне рассказать, Хамдан? – металлическим тоном уточняет он. Я отрицательно качаю головой. – Подсказка номер один. Я имею в виду мой черный Хаммер.

– Там не было датчиков. Я проверил. Он же гражданский, – хрипло бормочу я, отводя взгляд в сторону. Отрицать бесполезно, меня вычислили.

– Плохо проверил, и у меня нет гражданских автомобилей, сын. Я – собственность анмарских разведывательных служб, как и все, чем владею, – хлестким тоном сообщает отец.

Мне хочется вlepить себе крепкую затрещину.

Кто, вообще, считает эти железяки? Seriously?

Как я мог пропустить жучок?

Идиот.

– Ты их возглавляешь, – выдавливаю севшим голосом, словно озвученный факт имеет какое-либо значение.

– Это не отменяет вышесказанного, – холодно отрезает отец.

– Я брал Хаммер, но ни на какие засекреченные объекты не ездил. Как бы меня пропустили туда? – ухожу в глухую оборону. А что мне остается?

– Пропустили не тебя, Хамдан, а автомобиль, внесенный в базу APC, предоставляющий владельцу безграничный допуск. Любой другой был бы остановлен военными, – сталь в его голосе заявляет меня вскинуть голову.

– Пап, я не понимаю, о чем идет речь, – утверждаю с нажимом, хотя, когда отец смотрит на меня так, как сейчас, я сам себе доверять не способен.

– Речь об объекте с режимом повышенной секретности, Хамдан. Сам факт твоего присутствия там – является преступлением. А то, что ты попал туда на моем автомобиле – делает меня организатором преступления. Наказание от пятнадцати лет лишения свободы до смертной казни. Теперь ты понимаешь, о чем речь?

– Это просто озеро, – почти не дыша, сиплю я. Мозг отказывается анализировать услышанное. Футболка на спине пропиталась холодным потом.

– Это озеро, Хамдан – один из крупнейших нефтяных месторождений в нашей стране, которое через несколько лет сделает нашу страну вдвое богаче, – резко чеканя каждое слово, неумолимо продолжает отец. – То, что я говорю тебе об этом сейчас, тоже является преступлением. Анмар не имеет права заниматься поиском, добычей и переработкой нефти, пока действует сдерживающее соглашение с Соединенными Штатами Америки.

– Это недоразумение, случайность, – бормочу я, чувствуя себя полным недоумком. Масштаб последствий от моих романтических свиданий на озере, может уничтожить карьеру отца, мою собственную, а если выяснится, что на секретном объекте со мной находилась Алисия Саадат, грянет грандиозный скандал, который одинаково сильно ударит по нашим семьям.

– Подобная безответственность недопустима, Хамдан, – правая ладонь отца сжимается в кулак, и я понимаю, что мои дела совсем плохи. – Как будущий военный, ты должен просчитывать риски наперед.

– Там не было никаких предупреждающих знаков. Как я мог просчитать то, о чем не имел ни малейшего понятия?

– Тебя не должно было там быть и точка. Я не давал тебе разрешения брать мои автомобили, – громовым голосом бросает мне отец.

– И что теперь делать? – негромко спрашиваю я.

– Я могу решить эту проблему, – помолчав, генерал расслабляет ладонь и, подняв руку, выводит несколько линий на пребывающем в режиме сна прозрачном экране. Дисплей загорается, и в следующую секунду мы оба видим таблицу с указанием дат и четких временных промежутков нахождения Хаммера на засекреченной территории. – Я воспользуюсь служебным положением и сотру фиксирующие протоколы. Я сделаю это для тебя и твоего будущего, – он делает паузу, бросая на меня тяжелый взгляд. – Ты осознаешь, что мне грозит, если данный факт вскроется?

– Понимаю, отец, – глухо киваю я, с трудом выдерживая подавляющий зрительный контакт. – Сожалею, что доставил тебе неприятности.

– Сожалений недостаточно, Хамдан.

– Я готов понести наказание.

– Конечно, готов, и я даже знаю, каким оно будет, – отец выводит на экран размытое изображение Хаммера, припаркованное недалеко от дворца шейха Адама Саадата, а потом снимок его дочери, забирающейся в автомобиль. В следующем кадре мы стоим, держась за руки, на берегу озера. – Уверен, мы оба понимаем, кто это, – меня бросает в холодный пот, когда режущий взгляд отца останавливается на моем лице. – Но мне не понятно, что вы делаете вдвоем ночью на секретном объекте.

Он решил меня добить... Я нервно провожу взмокшими ледяными ладонями по волосам, недоумевая, как мог так облажаться. Проклятое озеро, я должен был догадаться, что король не назовет именем своего наследника простую лужу в пустыне. Черт... что мне делать? Как выкручиваться, не поставив под угрозу Алисию?

– Я отвез ее в красивое место, только и всего, – говорю самым убедительным тоном. – Мы не дел...

– Ночью? – прерывает отец. – Точнее десять ночей. Ты понимаешь, что будет, если узнает отец Алисии?

– Пусть узнает. Я хочу жениться на ней, – бросаю в порыве слепой смелости.

– Что ты сказал? – генерал меняется в лице.

– Я ее люблю и хочу жениться, – заявляю, вскочив на ноги. Адреналин в крови зашкаливает, я просто не способен усидеть на месте. – Я планировал поговорить с тобой о Ли, заручиться поддержкой, чтобы в последствии совместно обсудить возможность нашего брака с шейхом.

– Такой возможности нет и быть не может, – категорично отрезает отец, тоже вставая из-за стола. Нет сомнений – он в ярости, желваки нервно гуляют, вены на висках вздулись, но, как ни странно, я его не боюсь. Моему возрасту свойственно отчаянное бесстрашие. – Ты спал с ней, Хамдан? Хорошо подумай прежде, чем ответить, потому что если да, то я сам тебя кастрирую прямо сейчас.

- Нет! - отрицательно качнув головой, твердо смотрю в глаза отца. Эта ложь не для спасения моей шкуры. Я не хочу еще больше подставлять Ли. Если наш брак действительно невозможен, а выяснится, что у нас была сексуальная связь, ее ждет незавидная участь. И даже шейх не сможет помочь своей любимой дочери.

- Ладно, - с заметным облегчением выдыхает отец. - Этот вопрос снят.

- Не снят. Я хочу жениться на Алисии Саадат, - упрямо повторяю я. - Если ты не хочешь помочь, сам пойду к шейху.

- Ты идиот, Хамдан? - он окидывает меня недоумевающим взглядом. - Ты же отлично знаешь, что она уже обручена. Или у тебя есть какие-то особые преимущества перед одобренным ее отцом кандидатом? По какой такой причине шейх должен отказать ему и отдать Алисии тебе?

- Она меня тоже любит, - бросаю полным уверенности голосом.

- Разлюбит, - холодно произносит отец. - И ты поможешь ей это сделать, если, конечно, желаешь ей счастья.

- Алисия до сих пор ничего не знает. Если шейх молчит, то, может быть...

- Не может быть. Все в силе, Хамдан. Ничего не отменено. Сразу после получения диплома девушка вернется в Анмар и выйдет замуж. Не за тебя! И если ты попробуешь прикоснуться к ней, просто посмотреть, тебя посадят. Без всяких угроз, Хамдан, так и будет. Ты помнишь, кто твой счастливый соперник?

Я не отвечаю. Стиснув челюсть, отворачиваюсь, чтобы отец не увидел мятежной ненависти в моих глазах.

- Не надо считать меня врагом. То, что ты натворил - безответственно и недопустимо. Ты совершил преступление, Хамдан. Если факт несанкционированного проникновения на закрытую территорию в компании с Алисией Саадат всплывет, масштаб последствий может быть весьма плачевным для всех нас.

- Я понимаю, отец.

– Понимания мало. Будущий агент АРС не имеет права на ошибку, неоспоримо исполняет приказы, и не позволяет себе импульсивных необдуманных порывов. В качестве урока и укрепления выдержки, я придумал для тебя подходящее наказание. После окончания военной академии, ты поступишь в Колумбийский университет и одновременно получишь своей первое задание. Им станет охрана жизни и безопасности Алисии Саадат.

– Ты не сделаешь этого! – шокировано отрицаю я.

– Сделаю, и не потому, что я бесчувственный изверг. Ты не добьешься успеха, пока не научишься отвечать за свои поступки, не научишься ставить службу выше личных интересов. Прими факт замужества Алисии Саадат, как свершившийся. Потому что по большому счету так и есть. И, охраняя ее, помни, что ты защищаешь собственность того, кому в недалеком будущем тебе предстоит присягнуть на верность.

На этом разговор исчерпывает себя. Отец выпроваживает меня из кабинета, предупредив, чтобы я не говорил матери о его кратковременном визите. И спустя несколько минут он покидает территорию виллы, словно его здесь и не было. Словно за несколько минут моя жизнь не превратилась в кладбище разбитых надежд.

Это еще не конец. Я что-нибудь придумаю. Я обязательно что-нибудь придумаю. У нас впереди целых четыре года.

Ты только верь мне.

Ты только дождись меня, Ли.

Нейтан

Наши дни

Четыре года закончились быстрее, чем я думал. Но не было ни дня, чтобы я не пытался сдержать клятву, данную самому себе и Алисии.

Но «что-нибудь придумать» оказалось практически невозможно. А я рассматривал самые разные варианты и возможности, но все они заходили в тупик, когда всплывало имя Амира́на аль-Мактума. Я мог противостоять кому угодно, и уверен, что отец поддержал бы меня, не затрагивая мой вопрос интересы старшего сына короля.

Интересы... Аллах, да это просто блажь. Никто не воспринял всерьез полушутливое предложение принца, сделанное больше десяти лет назад. Никто, кроме самого принца и шейха аль-Саадата, не посмеявшегося отказать наследнику престола. Я был тогда совсем мальчишкой, но мне довелось стать свидетелем тех событий.

Все началось на территории дворца шейха. Адам Саадат принимал высокопоставленных гостей в закрытом для женщин шатре-кальянной, выстроенном в саду.

Встреча носила неофициальный характер.

Мой отец сопровождал принца, а я напросился с ним, объяснив это желанием увидеть вживую будущего короля. На деле я испытывал потребность посмотреть только на одного человека – Алисию Саадат. А она с не меньшим нетерпением жаждала увидеть меня, и пока я пытался придумать повод сбежать из шатра и отыскать в саду Ли, она решила проявить инициативу, запустив в кальянную своего тигрёнка-альбиноса, подаренного шейхом на ее тринадцатый день рождения. Маленький зверек выбежал в самый центр шатра. Я рванул к резвому животному с воплем: «Я вынесу ее в сад».

Но Амиран аль-Мактум оказался быстрее.

Подхватив котенка-альбиноса за холку, он с улыбкой посмотрел в прозрачные голубые глаза животного, с бесстрашным любопытством взирающие на него.

– Она? – вопрос был адресован мне. – Это девочка? – проглотив приступ злости, я, молча, кивнул.

– Какая красивая, – проговорил Амиран, усадив тигренка на колени, почесал за ухом. – Где ты приобрёл такое чудо, Адам? Я могу ее перекупить у тебя?

– Увы, вынужден отказать, Амиран. Savage (с англ. дикарка) любимая тигрица моей дочери, символичный подарок, – с сожалением покачал головой шейх. – Однажды отец подарил мне тигра-альбиноса, который долгие годы был мне верным другом, и я принял решение сделать это семейной традицией.

– Опасный подарок для девочки, – скрыв недовольство отказом шейха, задумчиво проговорил принц. – Savage... интересный выбор имени. Смелый и говорящий. Сколько лет твоей дочери, Саадат? – вопросительный изучающий взгляд эмира застыл на лице владельца дворца.

Шейх не успел ответить, потому что в шатер ворвалась сама хозяйка тигренка, нарушая все возможные правила мусульманского мира. Ли вторглась на мужскую территорию с непокрытой головой, с длинными рассыпавшимися по худеньким плечам пепельно-белыми волосами, в платье, открывающем руки и колени, и обратилась к самому наследнику.

В шатре повисло молчание. Шейх и его гости, включая меня, потеряли дар речи от невиданной наглости и только Амиран аль-Мактум улыбался чему-то, понятному только ему одному. Гордо вздернув подбородок, запыхавшаяся Алисия остановилась напротив принца.

– Тринадцать, – смело ответила она на заданный ранее вопрос. Она смотрела прямо в глаза аль-Мактума. Заправив растрёпанные локоны за уши, Ли все-таки опустила ресницы, не выдержав давления пронзительного взгляда принца.

– Шейх, у твоей дочери глаза тигрицы, – улыбка Амирана стала шире. – Она выбрала своему питомцу подходящее имя.

– Savage выбрала себе имя сама, когда выпрыгнула из подарочной коробки и расцарапала мои руки до крови. А теперь верните, она моя, – Ли требовательно протянула открытые ладони. Принц удивлено выгнул бровь. Снисходительная добродушная ирония на его лице сменилась другим, более сложным выражением, которое я в свои двенадцать лет распознать не смог.

Хозяин дворца и все присутствующие изумленно молчали, не имея права вмешиваться, пока эмир увлечен разговором с девочкой.

– Как тебя зовут, отважная укротительница диких кошек? – протягивая Алисии тигренка, спросил наследник. Темно-серые глаза неотрывно, с нескрываемым интересом изучали мою Ли, и уже тогда меня подбрасывало от желания встать и загородить ее своей спиной.

– Алиса, – храбро ответила Ли, прижимая к себе любимого питомца. – Я дочь шейха, а вы?

– Алисия, ты с ума сошла, вон отсюда, – придя в себя, грозно рыкнул Адам Саадат. Амиран аль-Мактум поднял на него предупреждающий взгляд, удерживая от дальнейших прилюдных воспитательных мер.

– А я твой будущий король, Алиса, – вернув свой царственный взгляд к побледневшему лицу Ли, с улыбкой ответил принц.

Уже через секунду перепуганной девчонки и след простыл, а шейх принялся извиняться за поведение дочери, объясняя его тем, что после недавнего переезда из Америки Алисия еще не успела привыкнуть к традициям Анмара.

– Кажется, я придумал, как получить в свою собственность тигрицу, – выслушав Саадата, невозмутимо сообщил принц. – Я возьму в жены твою дочь, когда она достигнет зрелого возраста.

– Не слишком ли сложный путь? Я поговорю с Алисией, и она с радостью отдаст своего питомца в дар эмиру, – шейх осторожно попытался уйти от темы брака, а я шокировано переводил взгляд с одного на другого. Сердце бешено колотилось в клетке из ребер, в висках шумела кровь. Я готов был умолять отца Ли отказать принцу, в то же время обреченно понимая, что это невозможно.

– Ты не услышал меня, Саадат? – в голосе будущего короля прорезались стальные нотки, и я понял, отчаянно осознал, что битва за свободу выбора Ли окончена, так и не начавшись. – Я хочу в жены твою дочь. У тебя есть особые условия? Говори.

– Она должна получить образование, – опустил голову и стиснув челюсти, произнес шейх. – Алисия грезит о Лиге Плюща. Я дал ей слово, что она сама сможет выбрать вуз и будущего мужа.

– Насчет мужа ты погорячился, Адам, а на ВУЗ я согласен. Жена наследника должна получить блестящее образование и сохранить безупречную репутацию. Ты обязан будешь гарантировать мне и то, и другое, когда подойдет время бракосочетания.

За прошедшие с того момента десять лет – Адам Саадат так и не удосужился сообщить дочери о том, что ее будущее давно предрешено. Его затянувшееся молчание сыграло со мной злую шутку, подарило надежду на то, что предложение принца носило шуточный характер и не привело к обязательным договорённостям. Я действительно верил, что никакой свадьбы не состоится, когда в восемнадцатый день рождения Алисии привез ее на берег озера, носящего имя будущего короля.

А теперь я вынужден обеспечить сохранность безупречной репутации Алисии Саадат, но вот незадача – именно я лишил ее невинности, о чем ни капли не жалею. Ли – моя девочка, была, есть и будет. Мы любим друг друга слишком долго, чтобы сомневаться в наших чувствах.

Как я могу собственноручно передать ее любому другому мужчине, будь он хоть трижды король?

Невозможно, недопустимо. Этого никогда не произойдет. Но времени на принятие решения почти нет. Единственная возможность для нас быть вместе – побег. У меня остались считанные месяцы до получения Алисией диплома, чтобы уговорить ее отказаться от всего, что она любит и ценит... ради меня.

Я готов рискнуть всем, а она еще не знает... до сих пор находится в счастливом неведении, и злится на меня за три года молчания и холодного равнодушия, ставшего для нас обоих адом.

Два дня назад я пытался ей объяснить, что не мог вести себя иначе. За нами наблюдали, отец не забыл, что на засекреченную сокровищницу Анмара я вторгся вместе с Алисией. И моих слов, сказанных сгоряча о любви к дочери шейха – тоже не забыл.

Несмотря на полные обиды слова Ли, наш последний разговор укрепил уверенность, что она меня не забыла. Реакция ее тела, податливость губ, мое

имя, произнесённое с особым придыханием, блестящие в распахнутых глазах слезы...

Аллах, каждую ночь на протяжении последних лет я отчаянно сражаюсь с желанием пробраться к комнате Ли в общежитии через окно, вытолкнуть ее соседку за дверь и повторить все то, что мы делали в палатке на берегу озера Амиран.

Мысли и мечты об Алисии ни на минуту не покидают меня, мое желание и чувства растут и подпитываются с каждым новым днем, потому что я вынужден блюсти роль незаметного наблюдателя, призрака, следующего по пятам и отвечающего головой за безопасность Алисии Саадат.

Но сегодня вечером, после конференции, где мы оба будем, я снова нарушу устав и поговорю с Ли напрямую. Она обязана меня выслушать и принять решение, а я озвучить риски, которые нас могут ждать в будущем.

Если мы сбежим, и нас поймают – наши головы подадут на ужин Амирану аль-Мактуму.

Глава 5

Нейтан

Мероприятие, на котором я был вынужден присутствовать по ряду независимых от моих желаний причин, организовано в научно-выставочном центре, в одном из крупнейших бизнес-центров Нью-Йорка. Участники конференции – элита нефтегазового бизнеса Штатов и стран-партнеров, инвесторы, политики, ученые, инженеры, студенты технических вузов и огромное количество репортеров.

Ума не приложу, что могло заинтересовать Алисию на научно-практической конференции, посвященной малоинтересной для молодой девушки теме.

Но она здесь, в длинном алом платье на тонких бретельках.

Гладкая ткань плотно облегает идеальное стройное тело Ли, каблуки бежевых лодочек приравнивают ее рост к модельным стандартам. Белокурые волосы собраны в стильную высокую причёску, подчёркивающую длину шеи и изящную хрупкость обнаженных плеч. Она выглядит сногшибательно и элегантно, несмотря на вызывающий цвет и достаточно откровенный верх наряда. Оторвать от нее взгляд не могут восемьдесят процентов собравшихся мужчин, остальные либо слишком старые, чтобы испытывать влечение к женскому полу, либо геи.

Алисия Саадат – сексуальное искушение и вызов, неукротимая, дерзкая девушка, не признающая правил, свободолюбивая, упрямая, страстная и вся моя. Со мной Ли не сражается, как со всем окружающим ее миром, пытающим поглотить, лишит крыльев, опустит на землю. Меня она любит. Я единственный мужчина, которому она покорится по собственной воле.

– Алисия твоё задание, Хамдан. Нельзя так откровенно пялиться, – обернувшись я натываюсь на взгляд генерала разведывательных служб Анмара. Сердце болезненно дергается и сбивается с ритма. Если отец здесь, значит, где-то неподалеку находится Амиран аль-Мактум. За этот год, это далеко не первое мероприятие, где присутствуют одновременно Алисия и наследник престола. В случайности я не верю, а, значит, остается самый неприятный для меня вариант. Шейх начал компанию по сближению дочери с принцем.

– На нее все пялятся, отец, – ответ звучит излишне резко.

– Это так, – не спорит он. – Девушка расцвела и похорошела. Очень похожа на свою мать. Мэланя Саадат, кстати, в числе гостей. Она спрашивала о тебе. Так что будь готов отвечать на миллион вопросов.

– Моя мать тоже могла быть здесь вместо твоей американской подружки, – бросаю с досадой, наблюдая за приближающейся спутницей отца, пробирающейся сквозь разношерстную толпу участников конференции. Поймав мой взгляд, гламурная красотка приветственно кивает, а я демонстративно отворачиваюсь. Очередная пустая блондинка с силиконовыми достоинствами и лицемерной приклеенной к утиным губам улыбкой. Никогда бы не подумал, что отца могут заинтересовать подобные женщины.

– Элен – мой секретарь, тут она находится для ведения протокола форума, – холодно подчёркивает генерал, окинув меня неодобрительным взглядом. – Я

никогда не давал твоей матери повода сомневаться в моей преданности. Твоему младшему брату всего два года – вот основная причина ее отсутствия на этом мероприятии. И если ты научишься смотреть чуть дальше своего носа, то заметишь на пальце Элен обручальное кольцо.

– Извини, я погорячился, – мне действительно становится неловко. Несмотря на внешнюю суровость и сдержанность, отец одержим моей матерью и обвинить его в измене можно только с одной женщиной. Ее имя – военная разведка. Мама долго пыталась подвинуть соперницу сторону, но с годами смирилась и научилась принимать отца таким, как есть.

– Все в порядке, – коротко кивает, разыскивая взглядом кого-то в зале. – Мне нужно отлучиться. А ты держись подальше от сестер Саадат, и не забывай, что мы с тобой находимся здесь по долгу службы.

– Сестер? – с досадой морщусь я. В памяти всплывает вечно ревущая капризная угловатая девчушка с косичками. Во время дружеских вылазок наших семей на острова, она повсюду таскалась за мной и Ли, как привязанная, чем жутко раздражала нас обоих. – Ками тоже здесь?

– И самая младшая тоже, но она оставила на тебе гораздо меньше шишек, чем средняя, – сочувственно улыбается отец, припомнив момент, когда в ответ на горсти песка в лицо, я получил камнем в лоб. Отругали, между прочим, тогда именно меня, несмотря на огромный фингал под глазом. Ведь это я начал первым. Нет, встреча с сестрами Ли, совсем не входит в список моих особых пожеланий. Я очень надеюсь, что Камила Саадат не узнает меня спустя столько лет.

Не упуская из поля зрения свой обожаемый объект, я с опаской оглядываюсь по сторонам и считаю минуты до завершения основных этапов конференции и с трудом подавляю зевок, слушая бесконечные научные доклады и выступления руководителей организаций нефтегазовой направленности.

Ничего особого нового, полезного и познавательного для меня. Однако Ли считает иначе. То и дело, я вижу, как она поднимает верх свою пресс-карту онлайн-портала, чтобы задать назревший вопрос выступающим. Некоторые вводят меня в затяжной ступор. Чтобы понять, о чем речь, приведу в пример парочку:

«Каковы перспективы развития инновационных технологий восстановления продуктивности скважин?»

«Насколько приоритетен для вашей компании вопрос защиты окружающей среды в нефтегазовом комплексе?»

Или вот еще интереснее:

«Насколько актуальны на сегодняшний день крупные инвестиции в развитие нефтяного бизнеса королевства Анмар?»

С улыбкой наблюдаю, как ответчики теряются не меньше меня. Для блондинки в красном она задает слишком сложные вопросы, но для Алисии Саадат, никогда не существовало непреодолимых сложностей. Она умудряется еще и в дискуссии вступать на темы, далекие от ее специализации.

Некоторые доклады откровенно политизированы и лживы. Вся эта пафосная толпа присутствующих, сверкающая эксклюзивными бриллиантами корпорации «Лакшери-Корп» и разряженная в дизайнерские костюмы и ведущие бренды, понятия не имеет, что основная повестка мероприятия будет обсуждаться кучкой миллиардеров и представителей политической верхушки за закрытыми дверями и без камер журналистов.

Близится день икс. Через полгода истекает договор между Анмаром и США, поставивший нашу страну в энергические тиски. Америка настроена на пролонгацию с сохранением прежних условий, а Анмар планирует выйти из договора с минимальными потерями. А по большому итогу это уже пятая попытка переговоров за последний год за ширмой международной конференции.

В стенах военной академии я не один год потратил на изучение последствий тридцатилетнего моратория на добычу ресурсов из недр Анмара. Договор на запрет разработки новых месторождений и увеличения добычи был заключен с целью экономического сдерживания королевства, и он достиг своей основной цели. Махмуд аль-Мактум был вынужден принять кабальные условия Штатов взамен на бизнес-сотрудничество и в целях мирного урегулирования спорных вопросов. На момент заключения договора Анмар не был достаточно силен, чтобы отстаивать свою независимую позицию на данном рынке. Аль-Мактум

пошел на уступки страны-диктатора, чтобы избежать повторения судьбы других стран ближнего востока. Все годы действия договора Анмар обеспечивал внутренние потребности в нефти и газе только на тридцать процентов, а недостающий объем восполнялся за счет импорта. Разумеется, основная страна-импортер – Соединенные Штаты Америки.

Едва доживаю до момента, когда основные этапы мероприятия остаются позади и участников приглашают в фуршет-зал.

Скрываясь за спинами гостей, я незаметно следую за Алисией Саадат, с гордостью несущей на шнурке свою пресс-карту. Я периодически ловлю себя на мысли, что за три года наблюдения за любимой девушкой так и не позволили мне изучить ее полностью. Она, оказывается, амбициозна, по-прежнему непредсказуема, и все так же недосягаема. А еще у нее талант оказываться в центре внимания, не привлекая для этих целей ни малейших усилий.

В фуршет-зале многолюдно, что играет в мою пользу, позволяя сохранять безопасную дистанцию. Сосредоточившись на наблюдении за стройной фигуркой в красном платье, я пропускаю две важные детали.

Первая – на южной стене зала развешаны снимки уникальной природы Анмара. Игнорируя разносящих напитки вышколенных официантов, Алисия Саадат напрямик направляется к стенду с изображением «нашего озера», формой напоминающего пересекающиеся обручальные кольца. Это не фотография, а весьма точная художественная репродукция, и, черт подери, я понятия не имею, какого дьявола засекреченный объект выставлен на всеобщее обозрение.

Остановившись напротив стенда, Алисия делает несколько снимков репродукции. Я направляюсь к ней, прежде чем она по незнанию совершит непоправимую ошибку, и тут всплывает вторая незамеченная мной деталь – на фуршет пожаловал Амиран аль-Мактум собственной персоной и точно так же, как десять лет назад оказался на шаг впереди, появившись перед моим носом, словно из-под земли.

Стиснув зубы от бессильной ярости, я вынужден отступить назад, спрятав в карманы брюк произвольно сжавшиеся кулаки. В этот момент в мире нет человека, которого я ненавижу сильнее, чем наследного принца моей страны. Подобные мысли недопустимы, но об их существовании знаю только я, и этим

вечером с радостью разделю их с Ли.

Пока ничего не подозревающая Алисия Саадат воодушевленно щелкает объективом, снимая на фотокамеру стенд с местом нашего с ней преступления, Амиран аль-Мактум встает рядом с Ли. Он не нарушает зону ее личного комфорта своим вторжением, но при этом его наглый и бесцеремонно-собственнический взгляд, блуждающий по ее фигуре, сложно назвать вежливо-заинтересованным.

И пока я придирчиво изучаю соперника, выискивая в его внешности несуществующие недостатки, он, этот королевский ублюдок, хищно пожирает глазами мою женщину, которую обоснованно считает своей собственностью. Тщательно охраняемой собственностью. Тщательно охраняемой МНОЙ. И, если бы можно было взглядом просверлить дыру в его темноволосом стильно подстриженном затылке, принц давно бы уже отправился к Аллаху.

– Красивое озеро, правда? – низкие вибрации властного голоса аль-Мактума до звенящего напряжения затягивают во мне растущее предчувствие неумолимого крушения. И, хотя вопрос обращен не ко мне, а к увлечённой фотографией Алисии, я ощущаю, как леденеет позвоночник.

«Пожалуйста, только молчи», – мысленно умоляю Ли, с бессильной яростью наблюдая, как она поворачивает голову и смотрит на принца с безмятежной вопросительной улыбкой.

– Правда, – соглашается Алисия, окидывая собеседника изучающим взглядом. – Мне повезло увидеть его воочию.

Это то, чего я боялся больше всего. Я закрываю глаза, височные доли взрывает дикая боль. Черт, какой идиот вывесил сюда проклятый стенд?

– Этого не может быть, – не сразу отвечает наследник.

– Почему же? – Ли продолжает вежливо улыбаться. – Вы не представляете, как красиво блестят кристаллы соли в лунном свете.

– Этого озера не существует, – непреклонно произносит аль-Мактум. Лишенный возможности видеть лицо принца, я могу только улавливать металлические интонации в его голосе. – Пейзаж полностью вымышлен и написан по заказу короля в качестве подарка на двадцатипятилетие наследника, поэтому и носит его имя.

– Но я точно знаю, что видела, – как обычно Ли стоит на своем, хотя сейчас ее упрямство может повлечь за собой сокрушительные последствия.

– Повторяю, это невозможно, Алиса, – стальным тоном отрезает Амиран аль-Мактум.

– Мы знакомы? – она озадаченно хмурится, внимательнее присматриваясь к собеседнику.

– Твое имя указано на табличке, – он кивает на ее пресс-карту.

– Я точно вас где-то видела, – задумчиво утверждает Ли. – Точно, я вспомнила. Месяц назад на международной выставке технологического оборудования в Бруклине. Угадала?

– Мы встречались много раз, Алиса, но были представлены друг другу только в первый.

– Правда? Я не помню, – смущенно опускает ресницы Алисия. Я слышу, как скрежещут от напряжения мои зубы. Черт, она флиртует с ним. Какого хрена, Ли?

– Ты была ребенком. Очаровательным, смелым, дерзким и непосредственным, – они смотрят друг на друга несколько бесконечных секунд, ставших для меня адовым чистилищем. – Как поживает твоя тигрица, Алиса? Наверное, Savage стала взрослой и красивой хищницей, как и ее хозяйка?

Алисия

Картинка нашего первого с принцем «знакомства» ослепительной вспышкой оживает в памяти. Как и в тот день, пронизывающий взгляд Амирана аль-

Мактума сжимает нервные узелки в области солнечного сплетения до размеров бусины. Мне жутко неловко, что я не сразу вспомнила наследника. Мы действительно в последнее время неоднократно сталкивались на различных мероприятиях, а я гадала про себя, почему его лицо кажется мне знакомым. Надо же... сам Амиран аль-Мактум. Именно в его честь король назвал наше с Нейтаном озеро.

– Я так скучаю по ней, – после секундной заминки, искреннее признаюсь, вспомнив поразительно красивую мордочку моей дорогой Сэви. С нетерпением жду момента, когда плавно пройду по ее шелковистой шерстке ладонью, хотя совершенно не скучаю по самому Анмару.

– Все такая же дикая? – словно не заметив моей неучтивости, любопытствует эмир.

– Очень своенравная, как и в детстве. «Доступ к телу» Сэви выдает лишь мне, отцу и своей смотрительнице, – едва заметно выдыхаю, стараясь не попадать под воздействие дымчатых, серо-голубых глаз Амирана аль-Мактума, чтобы с легкостью продолжить непринужденную беседу: – Изменилось в ней только то, что теперь я не могу поднять ее на руки, – не в силах сдержать широкой улыбки, делюсь я. – К сожалению, я вижу Сэви крайне редко, – продолжаю заполнять молчание принца, который вместо поддержки диалога, продолжает гипнотизировать меня пронизывающим взглядом.

– Гораздо реже, чем вас, ваше высочество, – глаза Амирана темнеют, мгновенно реагируя на мое вежливое обращение к будущему королю Анмара.

Не знаю, нужно ли соблюдать все правила этикета в общении с принцем, пока мы находимся в США, и, тем не менее, подстраховываюсь в этом вопросе. На официальных мероприятиях, я не просто студентка Алиса Саадат, но и «лицо» всей нашей знатной семьи.

– Ты только что сказала, что не помнишь меня, Алиса, – миндалевидные глаза принца и легкий прищур век, делает его самого похожим на хищника. Уголок губ аль-Мактума слегка приподнимается, лишь на одну сотую смягчая острые черты лица шейха.

Мужчина не похож на среднестатистического араба, каких я часто видела в Анмаре, выезжая с семьей на общественные пляжи или в торговые центры. Хотя на родине отца, я особо не контактировала с мужчинами и никого не подпускала к себе, кроме Хамдана, конечно.

Нас разделяет от силы метр, и мы находимся так близко друг к другу, что я могу разглядеть мраморный узор радужки его льдисто-серых глаз. Его кожа достаточно светлая для анмарца, хоть и поцелована жарким солнцем до оттенка молочного шоколада.

Как бы ни хотела сделать шаг назад, ноги словно отказались меня слушать: будущий король явно имеет секретную способность припечатывать своих подданных к полу, пока сканирует их взглядом до трепета в груди и вибрирующих поджилков.

Взгляд принца не только обволакивает меня и вызывает в животе колючие спазмы, но и заставляет автоматически расправить плечи, максимально распрямить осанку и стараться выглядеть невозмутимой и уверенной в себе. Хотя, судя по тому, что я только что непосредственно тараторила о Сэви, даже сам Амиран аль-Мактум не отнимет у меня привычки оставаться собой в любой ситуации. Когда я волнуюсь, я способна либо глупость ляпнуть, позаимствовав эту привычку у своей младшей сестры Камилы, либо включить отстранённую стерву.

Но с Амираном аль-Мактумом второй режим пока не включается.

Я действительно волнуюсь и переживаю о том, что он обо мне думает, так усердно пожирая взглядом вот уже несколько минут?

Мне необходимо расслабиться. Он «всего лишь» будущий король Анмара, жить на территории которого я не горю желанием.

И все-таки сердце в груди продолжает периодически хаотично подпрыгивать. Особенно, когда я интуитивно ощущаю горячие волны, исходящие от шейха, вместе с пряным, восточным и насыщенном ароматом его парфюма, в котором я безошибочно улавливаю табачные, мускусные и густые какао-ноты.

– А теперь вспомнила. Вот такая я непостоянная, – с легким смешком замечаю я, но судя по выражению лица Амираана, он в «непостоянстве» не видит ничего забавного. Меня еще больше смущает такая реакция.

Принц, что, совсем не умеет флиртовать или вести непринужденный разговор? Или с моей стороны подобные фразы – лишнее и выходящее из ряда вон?

Я же чуть-чуть, самую капельку, чтобы позлить и подразнить Нейтана, который, вне всяких сомнений, следует за мной сегодня по пятам. Словно тень, отслеживая каждый мой шаг. Знаю, что при следующей тета-тет встрече мне достанется от Натаниэля, и, если честно, с нетерпением жду, когда мы вновь окажемся наедине, и я непременно получу порцию своего «наказания». Любой контакт с Нейтом для меня – праздник, эмоциональный фейерверк.

Ревность, спасение, горячие претензии в машине – куда лучше, чем холодное молчание, длинной в четыре года.

– Очень скоро ты получишь диплом и вернешься в Анмар, – из уст Амираана звучит тотальное утверждение, а не вопрос.

Меня подобное заявление обескураживает, я вдруг чувствую себя чертовски маленькой рядом с этим мужчиной. Откуда он знает? Какое ему, вообще, дело до меня и моего образования? Только сейчас, я понимаю, что шея давно затекла от того, что приходится смотреть на него снизу вверх. Безупречный серый костюм и застегнутая на все пуговицы черная рубашка, зажатая галстуком в тон, не скрывает его широкоплечей и спортивно сложенной фигуры.

Что ж, мало кто знает, но Анмар не только месторождение нефти и алмазов, но и бездонная скважина, из которой периодически выходят привлекательные и мускулистые мужчины. Отчасти, поэтому я не оценила студенческие вечеринки: пареньки вроде Райана Скотта меня забавляют и вызывают лишь желание уколоть их разрядом тока.

С его высочеством Амирааном, такая шалость вряд ли прокатит. Он сам кого угодно током ударит, и кажется, что для этого шейху даже шокер не нужен.

– Не уверена, Амиран, – он не делает мне замечание, когда я непроизвольно перехожу на более вольное обращение. – При всем моем уважении и любви к королевству, и к своей семье, я выросла здесь...в Нью-Йорке, и не уверена, что готова смириться с некоторыми ограничениями в Анмаре. Мне очень нравится то, чем я занимаюсь в США и надеюсь, мой диплом мне пригодится. В этой стране.

Его выражение лица остается абсолютно нечитаемым, хотя что-то в едва уловимых изменениях мимики шейха мне подсказывает, что мои слова не пришлись ему по душе.

– Ограничения в отношении женщин не исключают удаленную работу, Алисия. Твою потребность в самореализации, возможно, осуществить и в Анмаре, – удивительно, но это опять не звучит как вопрос, словно Амиран аль-Мактум осведомлен о моей специальности, что черт возьми, невозможно.

– Нет. Нельзя. Я пишу обзоры мероприятий на известном новостном портале и веду блог. Как я буду обозревать их, не посещая лично? – в ответ Амиран вскидывает брови, его лицо приобретает снисходительное выражение. Ох уж эти высокомерные шейхи, с принцем явно редко кто вступает в дебаты. – Эмир, я могла бы упомянуть в статье и о вас, если вы не против.

Амиран не успевает ответить на мою просьбу.

– Добрый вечер! Как я рад, что издалека заметил и поймал вас обоих. Позвольте сфотографировать вас для завтрашнего выпуска «Exhibition news», – к нам подлетает фотограф в весьма эксцентричном и провокационном для мужчины наряде. Судя по тому, насколько бесцеремонно паренек врывается в пространство аль-Мактума, мой коллега и не подозревает о том, что перед ним представитель королевских кровей.

За это я и люблю Нью-Йорк. Здесь важно, не то, где и каким ты родился, а кем ты являешься сейчас и что ты делаешь сегодня, для того чтобы быть лучше и приносить пользу другим людям. Здесь ничего не ставится выше свободы воли и уникальности каждого человека, каким бы он ни был.

– Я думаю, не ст..., – собираюсь отказать я, но Амиран прерывает меня многозначительным властным взглядом, и тут же переводит его на дотошного

фотографа.

– Да, разумеется, – на удивление, дружелюбно бросает аль-Мактум. Делает шаг вперед, нелегально вторгаясь в мое пространство.

– Еще ближе к леди, сэр, – раздает указания фотограф, прицеливаясь на нас с Амираном окном своего объектива.

Обнаженным плечом и кожей я вдруг ощущаю шерстяную ткань его костюма. Инстинктивно отклоняюсь, подаваясь всем корпусом в сторону, но одним движением руки Амиран блокирует мое действие: я пропускаю вдох, ощущая, как ладонь шейха уверенно накрывает мою талию.

Пульс учащается мгновенно и до критической скорости.

Какой черт меня дернул надеть шелковое платье. Ткань настолько тонкая, что я воспринимаю прикосновение Амирана как нечто слишком интимное и неправильное. Когда аль-Мактум совершает едва заметное движение ладонью, я невольно вздрагиваю, ощущая силу, вибрирующую в его пальцах, мощь и текстуру его ладони. Облизнув пересохшие губы, поднимаю на шейха взгляд, стараясь вложить в него свое невербальное возмущение.

Черт возьми, как отказать самому принцу и отстоять свои границы? Или я преувеличиваю значимость банального прикосновения?

Боже, если все это видит Нейт...а он видит, то я явно переборщила с флиртом. Или он заслужил подобное зрелище, за то, что измывался над моими чувствами последних четыре года?

Но, правда в том, что я все еще люблю его. И не хочу причинять Нейту боль, даже если он очень долгое время причинял ее мне.

– Ваше высочество..., – собравшись с духом, намереваюсь тактично выразить свое негодование.

– Называй меня по имени, Алиса, – низкие ноты в мужского голоса погружают в легкий транс. – Думаешь, твоя тигрица подпустила бы меня к себе? «Доступ к

телу» – для избранных, это звучит как вызов. Уж очень сильно она мне запомнилась, – на последнем предложении его взгляд скользит по моим губам, опускается на мгновение к выемке под горлом, не падая ниже. И вновь поднимается к глазам, оставляя на моей шее печать своего взора, которая ощущается как завязанный вокруг нее галстук.

На доли секунд Амиран сжимает ладонь на моей талии сильнее. Кожа покрывается мурашками, реагируя на продолжение наглого вторжения в мой безмятежный мир этого мужчины. В этот момент несколько раз щелкает вспышка, и яркий свет от нее, накрывает меня с головой, копируя странное наваждение, природу которого я не знаю. И не хочу знать.

Взмахиваю собранными волосами и отступаю назад, ощущая, как рука Амирана соскальзывает по моей спине.

В другой стороне просторного зала, я вдруг замечаю свою маму в кремовом струящемся платье, и посылаю ей невербальный сигнал SOS.

– Готово! Благодарю за безупречный кадр, – объявляет финал моей пытки фотограф и исчезает в толпе, спеша к другой светской парочке.

– Надеюсь, фото получилось удачным, – нервно лепечу я, пытаюсь понизить градус токового напряжения между нами.

– Не сомневаюсь в этом, Алисия. Ты украшаешь пространство своим присутствием, – я с удивлением замечаю, что у этого мужчины есть не только скулы, но и легкие ямочки, появляющиеся в моменты настоящей улыбки.

Мне льстит его комплимент, не буду скрывать. Какой девушке неприятно внимание принца?

– И Анмар ты бы обязательно украсила.

– Я смогла бы жить в Анмаре только в одном случае..., – закусив губу, вспоминаю о том, что влюблена в военного. Если бы Нейт все решил с нашим браком, я бы конечно нашла в себе силы остаться там ради него. – Мне бы хотелось работать журналистом, открыть свою редакцию или издательство. Сейчас в этой нише

работают только мужчины. Что очень огорчает. Вы не планируете сократить гендерное неравенство, давно ставшее пережитком прошлого?

– Нет, Алиса. Работа отрывает женщину от семьи, – четко озвучивает свою позицию Амиран аль-Мактум.

– Далеко не каждая женщина хочет заниматься только детьми и бесконечно рожать, далеко не каждой позволяет здоровье. К тому же, подобная модель, ставит девушек в полную зависимость от мужа и...

– А ты считаешь, что это плохо – зависеть от мужчины, Алиса? – меня бросает в жар от бескомпромиссного тона шейха. – От своего мужа, если быть точнее, ведь все дети в Анмаре рождаются в законном браке.

– Разумеется! – горячо восклицаю я. – Любого рода зависимость – это плохо.

– Анмар ежегодно производит выплаты каждому жителю нашей страны, и у женщин она не намного меньше, – его взгляд осуждающе царапает мои открытые ключицы и плечи. – Алиса, хочу, чтобы ты понимала – я ничего не имею против западного стиля жизни, и все же, некоторые традиционные ценности мне хотелось бы оставить неприкосновенными.

Кажется, наследник престола весьма патриархальный кадр.

– А вы смогли бы полюбить женщину, которая, кроме вас, ничем не интересуется?

– Кажется, твои вопросы не войдут в статью, Алиса, – его голос становится чертовски низким и бархатным. – Если говорить откровенно, Алисия, я думаю, что чувства рождаются без всяких причин. Женщина может быть бесконечно реализованной и успешной, но даже не зацепит мой взгляд, – благосклонно замечает он, поставив меня в тупик. – Кстати говоря, она может заниматься любимым делом, я бы это позволил. Но она не должна брать за свою работу деньги и приносить их в наш дом. Я бы счел это оскорблением.

– Но моя мама, например, – спешу вновь противостоять шейху я. – Она рисует на заказ и не может рисовать бесплатно. Ведь не запатентованные картины сразу

же воруют, копируют или считают «дешевкой» и просто поливают грязью...

– Да, я слышал о работах Мелании Саадат. Что до твоей инициативы, Алисия – она похвальна. Не так часто я встречаю девушек, которых интересуют подобные вопросы, – с едва скрываемым скепсисом и сарказмом, произносит мужчина. – Если ты отправишь их мне в письменном виде на личную почту, я обязательно ознакомлюсь с твоим видением и вариантами решений.

– С удовольствием распишу все свои инициативы, эмир, – с вызовом парирую я.

– Инициатива наказуема, – мягко напоминает шейх. Это обманчивая мягкость, судя по беготне дьявольских чертиков, так часто проявляющихся в его глазах. Взгляд Амирана становится темнее, глубже. Зрачки расширяются, затягивая меня в иллюзорные черные петли, парящие вне времени и пространства.

Пока мы вновь не начали бесконечный раунд в «гляделки», я спешу переключить все свое внимание на ту, что без слов поняла меня правильно и поспешила на помощь.

– А вот и моя мама, – боковым зрением замечая Меланию и Анджелину, радуюсь я.

– Простите, что вторгаюсь в ваш разговор, эмир, – мама обращается к шейху, вежливо и мимолетно склонив голову перед Амираном.

Дарю ей благодарный взгляд, в который раз поражаясь тому, насколько замечательно и утонченно она выглядит. Ангельская статуэтка, особенно в этом платье цвета шампанского, оттеняющее ее загорелую кожу. – Я везде ищу свою дочь, – мое сердце до краев заполняет тепло, как только нежная ладонь матери касается моего предплечья.

– Да, мы тебя потеряли, Ли, – щебечет Анджелина, моя младшая сестренка, прижимаясь щекой к моему плечу.

– Ваша дочь за словом в карман не лезет и весьма активно принимает участие в политической жизни королевства, – Амиран и мама обмениваются странными многозначительными взглядами, которые я не могу прочесть.

– Она с детства жутко любознательная. В дебатах с ее отцом полезно быть подкованной во всех областях сразу, иначе ему и слова поперек не скажешь, – с легкой иронией, замечает мама.

За мамой, в наш тесный круг втискиваются и Натаниэль с Камиллой.

– Милая, я нашла Хамдана. Ты мне не говорила, что вы учитесь вместе, – Амиран и Хамдан с мгновение смотрят друг на друга, и я с облегчением замечая, что Нейту удастся безупречно скрыть свои эмоции. Вне сомнений, внутри него все горит, и я эмпатически считываю его настроение. Связь между нами никогда не дает сбоев.

Чувствую, как принц внимательно отслеживает мой взгляд, всецело подаренный Хамдану. Мое сердце гулко отбивает ритм, когда я смотрю на его губы, вспоминая, насколько пылко и жадно он целовал меня в машине.

«Я соскучилась», – просто про себя произношу я, задерживая на любимом взор.

– А это Камила, – мама представляет шейху среднюю из трех дочерей, которая обычно выглядит как бунтарка и ведет себя, как запущенный вращаться волчок. Но не сегодня.

Возможно, Камила резко повзрослела, но сегодня сестра выглядит блестяще в небесно-голубом платье, закрывающим только одно плечо. Хотя, судя по скованной улыбке, ей в нем явно неудобно.

– У вас очаровательные дочери, госпожа Саадат, – Амиран скользит беглым взглядом по Камиле и Эни, а потом вновь переключает внимание на меня. – Прошу меня простить, но мне нужно идти, – обращается ко всем нам, как только в наш круг проникает еще один человек – очевидно, охранник шейха и сообщает ему конфиденциальную информацию, закрывшись рукой.

– Алисия, я жду твоих предложений на личную почту, – Амиран опускает взгляд на мою ладонь, и я рефлекторно приподнимаю её, позволяя ему сжать мои пальцы и вложить в неё визитку.

Словно током бьет его касание, теперь я обнаженной кожей чувствую жар, исходящий от его ладони.

Одновременно ощущаю, как Нейт одним взором толкает меня на раскаленные угли.

– Кто знает, может тебе удастся меня переубедить, – нейтральным тоном подводит итог нашей беседы принц. Приняв вежливые поклоны головы мамы и сестер, Амиран задерживает прицеленный взор на Нейтане и покидает нас в сопровождении одного из своих телохранителей.

Мои щеки пылают от последних слов Амирана. Трудно было и представить такое, но меня радует, что мое знакомство с принцем сыграло мне на руку и подарило возможность быть услышанной. Я перевожу взгляд на Нейтана, стремясь уgomонить его молчаливый пыл, послав ему нежный и извиняющийся взгляд, но между нами встает мой отец – Джаред Саадат.

– А вот и мои девочки, – отец жестом собственника обхватывает маму за талию, пробуждая во мне воспоминание о прикосновении шейха. – Камила...ты выглядишь иначе, – в первую очередь оценивает Камилу, потому что редко видит её в таком платье. – Очень красивая. Вот и вторая дочь повзрослела, – немного грустно замечает отец, пока Камила нервно поправляет пшеничного цвета волосы. – Энджи, только ты не торопись. Оставайся маленькой настолько, насколько это возможно. Когда вы все вырастаете, я буду чувствовать себя старым, – к слову, Энжи недавно исполнилось пятнадцать и такие мероприятия для нее в новинку.

– Дорогой, нашим сыновьям всего десять, – не сводя влюбленных глаз с отца, напоминает мама.

– О да. Их еще воспитывать и воспитывать, – Демиан и Максимилиан – близнецы и забот с ними больше, чем с нами тремя вместе взятыми.

Папа часто шутил на тему того, что чуть не поседел пока ждал наследника, но судьба послала им с мамой одних девчонок. Они сражались до победного, пошли за четвертым ребенком, и получилось целых два мальчика сразу. Как итог, нас в семье пятеро.

Моя мама явно продала душу дьяволу, за возможность оставаться такой стройной после четырех родов.

– Тем временем, старшая уже вот-вот окончательно расправит крылья, – обращается ко мне папа.

– Мои крылья сегодня устали, и их владелица очень хочет уснуть в уютном гнездышке, точнее под теплым одеялом, – картинно зеваю я, переглядываясь с Нейтом.

– Я отвезу тебя, Алисия, – вызывается Нейт, без слов считывая мой немой намек. – Сэр, я доставлю вашу дочь до Колумбийского в целости и сохранности.

– Хамдан, я, безусловно, мог бы доверить тебе свою дочь. Но сегодня я сам отвезу её, мы слишком давно не виделись, – стальной тон Джареда Саадата опровергнуть невозможно, и Нейт даже не пытается. С одной стороны это раздражает, с другой стороны я понимаю, что папу нельзя злить в преддверии другого, куда более важного разговора.

– Только меня, пап? Я думала, мы все вместе поедем поужинать...

– Мы с Камилой и Эни к бабушке и дедушке обещали заглянуть, – мамин голос звучит с надрывом, откликаясь в моей душе нарастающим и необъяснимым беспокойством. Мелания Саадат посылает супругу нежный и смягчающий взгляд и в нем транслирует то, что я понять не в силах.

Ощущая напряжение между родителями, я тепло прощаюсь с сестрами и мамой. Крепко обнимая Хамдана, чувствую, как пылает грудная клетка, и успеваю шепнуть ему одними губами:

– Я уже по тебе скучаю, – его напряженные мышцы слегка расслабляются под воздействием кончиков моих пальцев. Он пахнет солью океана, дурманящим бризом и тем самым озером, на фоне которого мы прижимаемся друг к другу сейчас, и на берегу которого я окончательно впустила его в свою душу и тело.

Оказавшись с отцом наедине, в закрытой машине, я непринужденным тоном докладываю ему о своих последних успехах, хотя чем ближе мы приближаемся к

апартаментам семьи, расположенных в центре города, тем сильнее тревога сжимает легкие.

Мы направляемся не к моему студенческому кампусу, а домой.

А это значит, мне предстоит серьезный разговор с папой, который он решил скрыть от посторонних глаз и ушей.

?

С облегченным выдохом скидываю лодочки на пороге квартиры, ощущая приятное онемение в стопах. Обычно, в минималистичном дизайне апартаментов так чисто, что глазу не за что зацепиться, но сегодня мой взор сразу падает на остатки былой роскоши вчерашнего свидания: на панорамное окно натянута большой белый экран, посередине просторной гостиной стоит проектор. Журнальный столик и барную стойку возглавляет дорогое вино. Едва тронутые фрукты...и почти сгоревшие до дна ароматические свечи.

Мои родители уже двадцать два года в браке, и я невольно радуюсь, замечая этот небольшой беспорядок, без слов повествующий о свидании, потому что прекрасно помню времена, когда у них не все было гладко. После переезда в Анмар и рождения мальчиков, мне казалось, что наша семья находится на грани краха.

– Вино, свечи – кто из вас зачинщик романтического вечера? – испытывая долю неловкости, спрашиваю я. Папа взглядом приглашает меня к барной стойке на кухне, плохо скрывая широкую улыбку, которая так часто спорит с межбровными морщинками на его лице.

Он очень красивый мужчина – не знаю, нормально ли оценивать внешность своего отца в таком контексте, но, когда я впервые увидела его фотографию в своем возрасте, я обомлела. От количества татуировок в первую очередь, которые в повседневной жизни он обычно скрывал, в отличие от студенческого фото, где был запечатлен в футболке с короткими рукавами. Вот и сейчас, я с интересом разглядываю его пальцы, пока он разливает вино по бокалам, по которым также прошлись иголкой с чернилами. К слову, как это самое вино, с годами Джаред Саадат становится только лучше.

– О да. У нас с telegim был вечер воспоминаний и ностальгии. Пересматривали видео с давнего отдыха, когда вас еще и в проекте не было, – его серебристые глаза улыбаются, и мы одновременно смотрим на фотографию в рамке, оставленную на барной стойке.

– Вот в этого ангела я влюбился без памяти. И люблю до сих пор, – с замиранием сердца рассматриваю фото, которое видела много раз. И каждый раз оно рождает волну восторга и щемящее чувство в груди: мама и папа, совсем юные, стоят на носу яхты, расправив свои руки навстречу ветру, как в знаменитом старом фильме. Даже в глазах начинает щипать. Самое странное, что мама здесь выглядит слегка напуганной, и я ее понимаю: думаю, характер моего отца обуздать было очень непросто. А еще они смотрят друг на друга с такой жадной...интересно посмотреть на нас с Хамданом со стороны. Если мы выглядим также, то очень странно, что нас еще не рассекретили.

– Вы такие красивые и влюбленные. Это видно сразу. Какое же счастье – встретить своего человека, и не отпускать...больше никогда не отпускать, – «и всегда ждать», – заканчивает внутренний голос, и мои мысли уносятся к Нейтану.

Может, с отцом насчет Нейта должна поговорить я и прямо сейчас?

– Дочь, я видел, как ты разговаривала с наследником, – наш разговор внезапно и резко меняет курс. – Заметил твою улыбку, и мне кажется, ты была польщена его вниманием. Смущена и взволнована.

– Сейчас ты смущаешь меня еще больше, пап! – возникаю я, не в силах поверить в то, что отец говорит все это. Личную жизнь, по понятной причине, я даже с мамой никогда не обсуждала.

– Понимаю, мне тоже немного неловко, – признается отец, протягивая мне бокал игристого вина. Сейчас он напоминает мне того Джареда, которого я знала до двенадцати лет.

В Анмаре же он фактически не снимает личину шейха Адама Саадата, и о том, чтобы отец лично наливал мне бокальчик вина, я могу лишь мечтать.

– Что ты думаешь об Амиране аль-Мактум?

– Я? Что я могу думать о нем? – не понимаю, с чего этот разговор и куда он клонит. – Пап, я его совсем не знаю, – делаю глоток вина с насыщенным виноградным вкусом, пытаюсь унять дрожь во вспотевших ладонях. – Амиран...будущий король, и мне он кажется очень волевым и властным, категоричным, и способным на компромисс..., если ему это интересно, – а это действительно так, если он слушал мои инициативы весь вечер.

– И все же он закрыт, сдержан и высокомерен. Должно быть, все вышеперечисленные черты свойственны многим восточным мужчинам, а особенно тем – кто наделен властью, – осознаю, что отчасти описала этими прилагательными сложный характер отца.

Я не понимаю, почему папа пытается меня такими личными вопросами. Не думает ли он, что у меня тайный роман с принцем?

Черт возьми, если бы Нейт давно поговорил с ним, я бы сейчас тут не краснела, слушая, как отец комментирует мой разговор с Амираном аль-Мактумом.

– Почему ты спрашиваешь? – выстреливаю прямым вопросом.

Джаред делает целых три глотка из своего бокала.

– Ваши судьбы с эмиром в чем-то похожи. Он родился в Нью-Йорке, в Бруклине. Об этом мало, кто знает, но Амиран – плод студенческого бурного романа нашего короля. Мальчик рос с матерью до подросткового возраста в Америке, откуда был насильно вывезен в Анмар сразу после коронации его отца. Так же, как и тебе, Амирану пришлось полностью менять свое мировоззрение и уклад жизни, веру.

– Сколько ему лет? – краткий урок биографии принца и истории королевства оказался весьма увлекательным.

– Тридцать один, – я мысленно прикидываю, что на момент нашей впервой встречи Амирану было двадцать один. – Прекрасный возраст. Он великолепно воспитан и образован, начитан, наделен интеллектом. Достойный кандидат на твое сердце, – слова отца окончательно вводят меня в ступор. И строгий взгляд добивает. В его монологе не стоит многоточие, а жирная точка. Получи и

распишись, дочь...

Он ставит меня перед фактом, в который я не верю, не хочу верить...не хочу замечать, понимать, осознавать, к чему прямо сейчас клонит Адам Саадат.

- Пап, ты что, сводничеством занимаешься? – пытаюсь свести все в шутку я.

- Я обещал, Алисия, что ты получишь образование и сама выберешь мужа, – внезапно, его голос становится сравним со звоном льда по металлу. – С важной оговоркой: из тех кандидатов, кого я одобрю. Не всегда все бывает так, как мы хотим. И мне сложно говорить тебе об этом, зная, какой у тебя упрямый характер. Со времен моего обещания многое изменилось...

- Пап, ты что-то не договариваешь? Скажи прямо, к чему клонишь..., – облокотившись на барную стойку, выдерживаю его окончательный, но пока не озвученный приговор. Сердце падает вниз, образно пробивая первый этаж билдинга, в котором мы находимся.

- Ты выйдешь замуж после окончания университета, Алисия. За Амираана аль-Мактума, – ни один мускул не дрогнул на его лице, когда он поставил печать на всем, чем я жила, чем я дышала.

Тотальная тишина длится бесконечно долго, в которой мы с отцом застываем, словно две статуи. Лишь мои пальцы продолжают дрожать. Настенные часы раздражающе тикают. Из состояния коматозного шока меня выводит лишь звук вдребезги разбившегося бокала.

- Алиса...

- Пап, ты серьезно? Это такая шутка? – я задыхаюсь, по-прежнему автоматически и натянуто улыбаясь. – Как ты можешь ставить меня перед фактом? Отдавать приказ выйти замуж? Мы договаривались...папа...ты же обещал мне, – так отчаянно дрожит голос, срывается, на умоляющем слове «папа».

Не папа он сейчас, а Адам Саадат – правитель центральной провинции страны на ближнем востоке.

– Дорогая, это брак с принцем. С наследником Анмара. Он оказал нам честь, выбрав тебя.

– Папа, как ты мне можешь желать такого? Выйти за нелюбимого? Жить с ним? С человеком, которого я не знаю? Еще и заставляешь, ставишь перед фактом... – колючий комок сдержанных слез царапает гортань.

– Милая, – немного мягче обращается ко мне отец. – Ты должна все правильно понять. Я не изверг и не тиран, особенно, когда дело касается моей принцессы. Но Амиран аль-Мактум – будущий король. Все девушки в Анмаре мечтают стать его женой.

– Но я – не все! – вулканом вспыхиваю я. Не могу поверить в то, что он все еще смеет говорить о том, что не лишает меня выбора. – Ты женился на маме по любви! А она вышла за тебя по той же причине!

– Твоя мама полюбила меня не сразу, – строгим тоном отрезает отец, начиная выходить из себя. Вены на его шее напрягаются, на висках проступают знакомые «змейки». – Далеко не сразу, – хищно скалится отец, не на шутку пугая меня.

– Не важно! Плевать, когда. Полюбила же!

– Угомонись, Алиса. Свадьба состоится не завтра. У вас впереди много времени, чтобы узнать друг друга ближе, и, может быть, ты передумаешь и будешь благодарна судьбе за уникальную возможность. Может быть, передумает и Амиран, но в последнем я сомневаюсь.

– А что, если я хочу сама все решать в своей жизни? Кого мне любить, – и с кем мне спать. – И о каких возможностях идет речь?

– А ты в кого-то влюблена? – строгим голосом уточняет он, с определенным подтекстом. Щеки пылают, наливаясь стыдом и кровью.

– Нет, но...

– Тогда, тем более, Алисия. Пойми, у нас в стране есть абсолютный монарх и его воле не могу противостоять даже я, каким бы всемогущим я тебе не казался.

Подумай, Алисия и выдохни, – отец накрывает мою ладонь своей. – Что касается возможностей. Ты же у меня активистка. Вспомни медийных принцесс, которые тебя вдохновляют: Диану, Меган. Они сделали много хорошего для простых людей, вошли в историю как великие женщины. А твоя мама, которая уже несколько лет почти все гонорары жертвует голодающим и нуждающимся? Представляешь, как ты могла бы повлиять на принца, и тем самым, изменить некоторые порядки в стране, которые тебя не устраивают. Сила женщины в её слабости, знаешь?

– Лучше я буду никем здесь, чем королевой там! – в сердцах восклицаю я.

– А вот это ты зря, – становясь мрачнее, оскорбляется отец.

– Ты же всегда был между востоком и западом, почему не можешь меня понять и поговорить с принцем, переубедить его, отказаться от брака. Анмар очень изменил тебя, папа. И теперь я в этом окончательно убедилась, – сквозь слезы бросаю я, вспоминая слова мамы о том, что Джаред Саадат действительно стал другим, когда мы всей семьей переехали в Анмар.

– Я никогда не менялся, дочь. Однако, твоя мать влияет на многие мои поступки, действия и решения, сама того не замечая. Она делает это настолько тонко и незаметно, что тебе стоит поучиться у нее этому виртуозному искусству, – отец огибает барную стойку, возвышаясь надо мной. – Я люблю тебя, Алисия, – обхватывает мои плечи. – И хочу тебе только счастья. Поэтому скажу прямо: нет ни одной возможности избежать этого брака.

– Почему ты не говорил мне? Все эти годы молчал, что моя судьба предрешена? Обманывал? Ты и мама, вы оба мне лгали...Почему сейчас? – меня всю трясет, я не в силах выносить отцовские объятия и близость, хотя еще двадцать минут назад восхищалась им и мечтала повисеть у него на шее, как в детстве.

– Я прекрасно знаю твой дикий характер, – усмехается Адам. – Ты могла бы сбежать, натворить глупостей, затеять революцию, свергнуть наследника с престола, отравить...да что угодно. К тому же, я думал, что принц передумает. Впереди было столько лет, и за это время, мне казалось, он уже встретит ту, на ком хочет жениться гораздо раньше, прежде чем ты вырастешь. Я выиграл много времени, но Амиран остался верен своему выбору.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/d_aleks/bosikom-po-peplu-kniga_1

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)